

Хэйти Хэилиг

НАВСЕГДЕ?

best
book
ever

Хэйди Хэйлиг Навсе...где?

Серия «Best book ever»

Серия «Навсе...где?», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28528095

*Хэйди Хэйлиг Навсе...где?:
ISBN 978-5-17-100048-6*

Аннотация

Шестнадцатилетняя Никси живет со своим отцом, которого все называют капитаном Слэйтом. Он – человек неординарный.

Во-первых, он весь – буквально с головы до ног – покрыт татуировками.

Во-вторых, он заядлый любитель путешествовать, и у него даже есть свой собственный корабль-парусник, «Искушение».

И в-третьих, он не обычный мореплаватель, а настоящий путешественник во времени...

Индия 18 века, Нью-Йорк 21-го, Гавайи 19-го – ему не составляет труда оказаться где угодно, главное, чтобы у него была карта, желательно той эпохи и нарисованная от руки.

Вот уже 16 лет Никси странствует вместе со своим отцом. И все это время Слэйт одержим одной-единственной целью – вернуться в Гонолулу 1868 года. Именно там он познакомился с матерью

Никси и только там был по-настоящему счастлив – пока она не умерла при родах...

Раз за разом, карта за картой Слэйт пытается доплыть до заветного острова, но все безуспешно. В чем же причина этих неудач? Почему Провидение не дает ему воссоединиться с любовью всей его жизни?

И какую цену придется заплатить ему за исполнение своей заветной мечты?..

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	54
Глава 5	68
Глава 6	80
Глава 7	93
Глава 8	110
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Хэйдн Хэйлн Навсе...где?

Heidi Heilig

THE GIRL FROM EVERYWHERE

Серия «Best book ever»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

The Bent Agency и Andrew Nurnberg.

© Heidi Heilig, 2016

© Перевод. А. А. Загорский, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

АВГУСТОВСКИЙ ДЕНЬ ВЫДАЛСЯ ЖАРКИМ И ВЛАЖНЫМ – типичным для сезона муссонных дождей. Стоял 1774 год, хотя было ясно, что это ненадолго. Я находилась на одном из многолюдных рынков Калькутты, где отец оставил меня одну.

Не навсегда – время для этого еще не пришло. Он всего лишь вернулся на корабль, чтобы подготовить все необходимое для следующего этапа путешествия – в Нью-Йорк двадцатого века. Именно он был целью наших странствий – там отец мечтал исправить ошибки, совершенные в прошлом.

Возможно, такие, как я.

Он никогда не говорил этого открыто, но его желание избавиться от меня было очевидным. И вот я в полном одиночестве вынуждена, зажав в потной ладони жалкую горсточку серебра, торговаться в надежде приобрести каладриуса – птицу, способную исцелять от недугов и предсказывать смерть. Я вдруг подумала, что, если бы мифологическое пернатое доставили на корабль, а я на борт не вернулась, отца бы это несколько не расстроило.

Впрочем, нет, поправила я сама себя. Сейчас я все же еще была нужна ему. Как-никак, именно я прокладывала для него маршрут сквозь время и пространство. Я помогла ему пробраться сквозь темные времена Средневековья. И потом,

я умела с двадцати шагов угадывать особых, волшебных животных, обладающих необычными качествами, и успешно договариваться с торговцами об их приобретении. Но мне было известно, что, когда в 1868 году мы доберемся до Гонолулу, отец перестанет нуждаться в моих способностях определять курс в океане и заключать удачные сделки. Я была для него лишь средством для достижения цели, и конец путешествия приближался с каждым днем.

Его, впрочем, эта ситуация несколько не смущала. Я тоже изо всех сил старалась относиться к этому легко, но не всегда могла преодолеть беспокойство. Оно серьезно мешало мне в сложные моменты – вот как сейчас, когда торговец, на редкость наблюдательный, как и большинство людей его профессии, сверлил меня пристальным взглядом.

– Это очень редкая птица! – сказал купец громче, чем того требовало разделяющее нас расстояние. Мы с ним стояли буквально нос к носу около клеток. Я предпочла бы немного отодвинуться, но не могла, потому что в этом случае меня поглотила бы бешено бурлящая толпа посетителей рынка. – Каладриус может вылечить любую болезнь – ему достаточно лишь посмотреть пациенту в глаза.

– Я знаю, знаю.

Мне доводилось читать о каладриусе в мифологической литературе. Если верить легенде, эта птица уносила болезнь на своих крыльях и сжигала ее, пролетев вблизи солнца. Легенда также гласила, что, если человек болен неизлечимо,

птица ни за что не станет на него глядеть. Но об этом торговец, разумеется, умолчал.

– Здоровье бесценно, девушка, – заявил он, скрестив руки на груди.

– И это мне тоже известно, – сказала я и вытерла брови тыльной стороной ладони. Солнце палило немилосердно, и запах пота вокруг меня смешивался с ароматом жасминовых духов. Мне нужно было возвращаться на корабль хотя бы для того, чтобы глотнуть свежего воздуха. – Пожалуйста. Это для моей матери. Без птицы она умрет.

Обычно я не пытаюсь вызвать у торговцев жалость, но в данном случае говорила чистую правду.

– Если с ней что-нибудь случится, мой отец этого не перенесет.

Взгляд продавца немного смягчился, но тут вдруг толпа словно вскипела, и у меня за спиной возник весьма дородный британский офицер. Мой собеседник, забыв обо мне, сразу уставился на него.

– Пожалуйста, – произнесла я чуть громче и, вытянув вперед руку, разжала кулак, показав горстку тусклых серебряных рупий.

Торговец снова перевел взгляд на меня и покачал головой:

– Такая птица стоит столько, сколько золото, равное ей по весу.

– У индийских принцев больше не осталось золота. Все золото у них отняли британцы, а они не верят в легенду о

каладриусе.

Сказав это, я тут же поняла, что совершила ошибку. Лицо торговца приобрело суровое выражение. Я принялась лихорадочно соображать, как исправить положение. Птицы в клетках вдруг разом расправили крылья, стали бить ими о бамбуковые прутья и защебетали на все лады, будто прося освободить их. Чья-то рука легла мне на плечо. В возмущении я резко обернулась, готовая дать отповедь наглецу, но тут же вздохнула с облегчением. Это был Кашмир, появившийся как нельзя кстати.

– Здравствуйте, *амира*, – сказал он.

– Попробую угадать, – отозвалась я. – Капитан прислал тебя поторопить меня?

– Чтобы вам помочь, – уточнил он и тепло улыбнулся. Затем повернулся к торговцу и высыпал ему в подставленные ладони горсть золотых монет. – Этого более чем достаточно.

С этими словами Кашмир протянул руку и завладел клеткой с каладриусом. Затем он взял меня за запястье и повел прочь, не обращая более внимания на продавца птиц, который от изумления вытаращил глаза.

– Идемте скорее. Нам пора.

– Где ты взял столько золота? – спросила я.

Случившееся поразило меня даже больше, чем торговца.

– Так, в одном месте, – ответил Кашмир.

Мы были уже на полпути к докам, когда в толпе позади нас раздались крики.

Кашмир передал мне клетку.

– Только не бегите, – предупредил он и опрометью бросился куда-то в сторону.

– Вор! – заорал кто-то неподалеку.

Я увидела тучного англичанина, пробирающегося в ту сторону, где исчез Кашмир.

Как назло, мне под ноги то и дело попадались препятствия в виде корзин с жареной саранчой и одеял, на которых были разложены спелые рамбутаны и прочий товар. Я бежала, огибая женщин в тряпье и в шелковых одеждах, мужчин в набедренных повязках и в военной форме. Клетка с птицей раскачивалась в моей руке, пот разъедал глаза. Кашмир был далеко впереди – точнее, это я сильно от него отстала.

На бегу я лихорадочно пыталась сообразить, как можно выпутаться из подобной ситуации, вспоминая разные истории на аналогичную тему. К сожалению, все они не имели ничего общего с реальностью. Почти во всех чудесное спасение приходило благодаря тому, что преследователей удавалось превратить в дерево, в звезду, в птицу или во что-то еще столь же безобидное. Оглянувшись, я увидела, что англичанин нагоняет меня, и, прижав клетку к груди, попыталась поднажать.

Наконец, я оказалась за пределами рынка, свернула за угол и, оттолкнувшись свободной рукой, перепрыгнула через осла. Кашмир, стоя на причале рядом с кораблем, призывно махал мне. Подбежав к нему, я остановилась. Он по-

ложил руки на мои плечи:

– Почему вы побежали, *амира*?

– А ты почему? – поинтересовалась я, с трудом переводя дыхание.

– Чтобы они погнались за мной. А теперь живо на борт. Вит, вит!

И Кашмир подтолкнул меня к трапу.

Отец помогал Би с рангоутом, но, услышав неподалеку от пристани крики, на секунду замер и окинул взглядом окрестности, пытаясь понять, что происходит. Затем он возобновил свои действия и скомандовал Ротгуту отдать швартовы. Англичанин был уже совсем рядом. Местные жители бросились врассыпную, но Кашмир оставался на месте, пока я не забралась по трапу на борт. Тогда он попытался броситься наутек, но было уже поздно.

Англичанин, бакенбарды которого дрожали от ярости, схватил Кашмира за воротник полотняной рубашки.

– Ах ты, проклятый ублюдок, да тебя повесить мало! – заорал он и, вытащив из-за пояса револьвер, ткнул его ствол в щеку Кашмира. – Отдавай мои деньги или я пристрелю тебя на месте!

Каш рванулся в сторону корабля, но мы, снявшись с якоря, уже отходили от пристани. Я изумленно посмотрела на отца. Тот окатил меня ледяным взглядом своих светло-голубых глаз и сказал:

– Он в состоянии сам о себе позаботиться.

Несмотря на жару, меня пробрал озноб. Если бы каладриус остался у Каша, как знать, не оставили ли бы на пристани меня? Поставив клетку с птицей на палубу, я ухватилась за леер, оценивая на глаз расстояние между бортом судна и пирсом. В этот момент Каш резко толкнул руку англичанина с револьвером кверху. Тот нажал на спусковой крючок, и пуля улетела куда-то в небо. Англичанин крепче сжал в пальцах воротник рубашки Кашмира – но и только. Резким движением разорвав рубаху на груди, Каш, повернувшись на одной ноге, ловко выскользнул из рукавов и освободился. Его противник так и остался стоять на месте с изумленным выражением лица.

Я стала шарить вокруг в поисках свободного конца, чтобы бросить его на пристань. Однако, когда я выпрямилась и снова выглянула из-за фальшборта, Кашмира нигде не было видно. Англичанин, стоя у края пирса, яростно что-то кричал, потрясая револьвером. Взгляд его был устремлен на корму корабля. Посмотрев туда же, я увидела Каша, перелезающего через борт.

– Остановить корабль! Остановить немедленно! – орал англичанин, обращаясь к моему отцу. – Ваш кули вор!

Кашмир приложил руку к груди жестом оскорбленной невинности. Я невольно улыбнулась – мне было известно, насколько он ловок и находчив. При необходимости Кашмир был способен заставить человека смеяться, чтобы украсть нужную ему вещь изо рта намеченной жертвы.

Затем Кашмир резко пригнулся. Англичанин выстрелил вторично, и пуля угодила в нашу сделанную из дуба бизань-мачту. Я замерла от неожиданности, а затем бросилась ничком на палубу рядом с клеткой. От моего дыхания зашевелились перья на грудке каладриуса.

«Искушение» – быстроходное судно, и к тому времени, когда англичанин успел прицелиться еще раз, мы были уже слишком далеко. Я вскочила. В ушах у меня звенело, волосы растрепались. Кашмир держался как ни в чем не бывало. Его бронзовая кожа сияла в лучах солнца, лицо светилось ликованием. Глаза наши встретились, и я торопливо отвернулась.

– Вы покраснели, – весело заметил он.

– Это от жары, – пробормотала я.

– Ну и суета! – воскликнул мой отец и, передав штурвал Би, спустился на главную палубу. Взяв в руки клетку, он заглянул внутрь.

– Боже, какая прелесть! Спасибо, малышка.

– Спасибо? – Я одернула на себе одежду. – Ты должен благодарить не меня.

– Спасибо, Кашмир! – сказал отец и в знак одобрения поднял вверх большой палец. Затем продолжил рассматривать каладриуса, радостно бормоча что-то себе под нос.

– Из-за этой птицы ты подверг его жизнь опасности, – с возмущением произнесла я.

– Большое спасибо, Кашмир.

– Его чуть не застрелили!

– Однако же он жив. – Отец небрежно пожал плечами.

– Но его могли убить!

Улыбка отца погасла, словно задутое порывом ветра пламя свечи. С бесстрастным лицом он засучил рукава своей просторной хлопчатобумажной рубахи, обнажив тянувшиеся вверх по предплечьям синие разводы. Если не знать о них заранее, маршруты, изображенные на его теле, трудно было разглядеть среди покрывавших кожу татуировок. Вскоре отец опять просиял:

– Здорово, что теперь у нас есть каладриус. Он исцеляет от всех болезней! Ну же, дадим ветру наполнить наши паруса! Куда мы теперь пойдём, Никси?

Я хотела сказать ему какую-нибудь грубость, но в последний момент прикусила язык. Все было как обычно – отец не любил подолгу терзаться угрызениями совести. Он оставлял эту привилегию мне.

– Нам нужно в Нью-Йорк, в 1981 год. Я достала карту и проложила курс сегодня утром. Карта на столе. Может, хотя бы взглянешь?

– Но... все карты двадцатого века, которые мне доводилось видеть, были изготовлены типографским способом, – сказал отец, не отвечая на мой вопрос.

– Эта сделана вручную одним очень увлеченным человеком, – пояснила я. – Когда мы были там, куда отправляемся, я сама ее купила.

На отца мои слова, похоже, не произвели большого впе-

чатления.

– Вот и хорошо, просто отлично. А ты уверена, что она приведет нас, куда надо?

– Это уж ваша забота, капитан, – ответила я. – По крайней мере, до тех пор, пока не научите меня Навигации.

Отец бросил на меня долгий и пристальный взгляд, после чего повернулся на каблуках и отправился в свою каюту. Я вдруг почувствовала, что все члены экипажа смотрят на меня. Однако, когда я обернулась, Би тут же сделала вид, будто ее заинтересовала впадающая в океан река, а Ротгут принялся внимательно изучать свои ногти. Взгляд не отвел только Кашмир.

– А ты тоже хорош!

– Я?! Что я сделал не так, *амира*?

– Я уже почти уговорила продавца птиц согласиться на мою цену.

На губах Кашмира появилась улыбка:

– Даже если и так, вы ведь сами сказали: англичане забрали все золото. Я всего лишь взял у них немного обратно.

– Но все же воровать нехорошо, Кашмир.

– И что же я должен был сделать?

– Может, оставить птицу продавцу?

Кашмир посмотрел на меня немного искоса, и в его глазах промелькнула искорка:

– Да ладно вам, *амира*. Когда я передал вам клетку с каладриусом, вы были в восторге.

– Это потому, что каладриусы – большая редкость, не говоря уж об их способностях исцелять недуги. Но я не думаю, что мы в самом деле ими воспользуемся.

– А вот капитан считает, что мы это сделаем. Вы ведь знаете, что он за человек.

– Что ты имеешь в виду?

– Что с ним очень трудно спорить, – объяснил Кашмир и поджал губы.

– Что правда, то правда, – сказала я и, скрестив руки на груди, бросила взгляд на воды реки Хугли, которые своим цветом напоминали желчь. – Груз в порядке?

– Ты имеешь в виду тигров? – уточнил Кашмир несколько игривым тоном.

– Да, тигров, что же еще?

Огромных полосатых кошек доставили на корабль в расшатанных бамбуковых клетках. Каш и Би, демонстрируя чудеса храбрости, сумели должным образом закрепить их в трюме. Это произвело на меня впечатление, хотя внешне я этого никак не показала. Кашмир же любил, когда люди открыто выражали свое восхищение в его адрес.

– В последний раз, когда я их видел, они спали, словно два котенка, – произнес он, достал из кармана золотые часы и посмотрел на циферблат. Затем наклонил корпус хронометра, и из него на палубу пролилась струйка воды.

– Ничего, – сказал он. – Будут в полном порядке к тому времени, когда мы окажемся в Нью-Йорке.

– Где ты их взял?

– Часы? – Кашмир взглянул на меня исподлобья. Если бы я не знала его как облупленного, то решила бы, что он смущен. – Этому типу не следовало называть меня ублюдком.

Я в раздражении стиснула зубы:

– Капитан тебе этого не приказывал!

– Нет, конечно. Это я по своей инициативе.

– Знаешь, если бы у меня не было никаких моральных принципов, как у тебя, я бы легко решила все свои проблемы.

Кашмир небрежно пожал плечами и сунул часы обратно в карман.

– Если бы у меня были ваши проблемы, я мог бы позволить себе иметь принципы, – парировал он. – А сейчас я намерен раздобыть себе другую рубашку. У вас есть десять секунд, чтобы остановить меня. Молчите? То-то.

Кашмир спустился вниз, оставив меня на палубе в носовой части судна. Идя под парусами, мы миновали развалины форта Уильям – того самого, в подземной тюрьме которого, согласно данным Ост-Индской компании, из-за жестокости индийцев погибло около сотни заключенных-англичан. В нижнем течении разлившейся реки люди удили рыбу, а ребяташки купались голышом на мелководье. Чтобы было не так жарко, я собрала волосы в пучок на макушке и тут же почувствовала на шее обжигающее дыхание горячего ветра.

Говоря о капитане, Кашмир был прав. Когда тот хотел че-

го-нибудь добиться, он не останавливался, пока не достигал поставленной цели – чего бы это ни стоило. И никогда не думал, что, стремясь к ней, мог подвергнуть других людей опасности или причинить кому-то боль.

Больше всего на свете он хотел вернуться в Гонолулу 1868 года. Именно поэтому ему теперь нужна была карта, выставляемая на торги аукционным домом «Кристис», а также деньги на ее приобретение.

Капитан никогда не играл на бирже и не делал ставок в спортивных тотализаторах. У него никогда не было счета в банке. Слэйт гораздо больше времени проводил, думая о прошлом, чем о будущем. Всякий раз, когда он возвращался мыслями в реальную действительность, это было связано с необходимостью раздобыть денег.

Я проложила маршрут, взяв карты из его сундука. Необходимость выручить наличность от продажи тигров несколько усложнила мою задачу, но, с другой стороны, мне хотелось увидеть как можно больше мест и получить как можно больше впечатлений. В конце концов, кто знает – если Слэйт прав по поводу старой карты Гавайских островов, которая ему так нужна, нельзя исключать, что вскоре я буду лишена возможности путешествовать.

Впрочем, раньше времени беспокоиться по этому поводу было бессмысленно. Во всяком случае, ни одна из его карт Гонолулу до сих пор не сработала. И мне имело смысл сосредоточиться на решении ближайших задач.

Первое, что я планировала сделать, – это обменять наш живой груз на американскую валюту. Я надеялась, что мне удастся это сделать по прибытии на место нашей следующей стоянки. Главарь действующей в тех местах китайской банды имел слабость к большим кошкам и всегда готов был за них хорошо платить. Судя по содержанию газетных вырезок, которые мне довелось прочесть, с их помощью он избавлялся от конкурентов.

После этого Слэйт мог легко доставить нас на аукцион «Кристис», в 2016 год. Капитан родился за 51 год до него в Нью-Йорке. Дом, где прошло его детство, всегда ожидал его рядом с краем карты, по которой был проложен очередной маршрут. Главаря китайской преступной группировки, о котором я упомянула, убили в перестрелке задолго до 2016 года. Однако, имея карту, изготовленную в 1981 году, капитану не составляло труда провести «Искушение» через два столетия из Бенгальского залива к побережью Атлантического океана, туда, где находился Лонг-Айленд. В конце концов, хотя ему трудно было назвать Нью-Йорк своим домом, город он знал хорошо.

Именно поэтому я очень удивилась, когда карта 1981 года вдруг нас подвела.

Мы плыли, направляясь к краю карты Калькутты. Небо было так густо усеяно звездами, что казалось, будто на него откуда-то сверху насыпали сахар. Я знала, что после промышленной революции ночи уже никогда не будут такими

красивыми.

Звезды стали блекнуть по мере того, как мы скользнули на поля карты, приближаясь к почти незаметной границе, где Индия 1774 года исчезала и возникало нечто совсем иное. Вокруг нас за клубился туман, словно судно окружили души погибших моряков. Не доносилось ни звука, если не считать плеска волн, разрезаемых корпусом корабля. Все дышало спокойствием, но моря у краев карт были непредсказуемыми. Ветры и течения часто меняли направление, и преодоление границы с каждым разом становилось все труднее. Порой – правда, очень редко – в тумане возникали призраки кораблей, чьи капитаны сумели найти вход в соседний мир, но так и не смогли выбраться из него.

Мне вдруг стало зябко, и я потерла ладонями свои обнаженные плечи.

– С вами все в порядке, *амира*?

Я скорчила гримасу, кивнула в сторону туманной дымки за бортом и сказала:

– Пограничные пространства напоминают мне чистилище. Здесь заканчивается один мир и начинается другой.

Кашмир недоверчиво приподнял брови:

– Разве в чистилище не должно быть несколько жарче?

– По мнению святого Августина – да. Но то, что я вижу, больше похоже на луга Асфоделя у Гомера – правда, здесь явно меньше кровавых призраков.

– Ну да, само собой, – рассмеялся Кашмир. – Похоже, мне

надо побольше читать.

– Уверена, тебе известно, где находятся мои книги. Так что, если захочешь украсть их, для тебя это не составит большого труда.

Взглянув на Кашмира, я улыбнулась и снова посмотрела в сторону штурвала. Улыбка тотчас исчезла с моего лица. У рулевого колеса стоял Слэйт, направляя наш корабль к дальнему берегу, который мог видеть только он... но при этом на его лице было написано такое разочарование! Он то откидывал голову назад, то, наклонившись, пристально вглядывался вперед, но было ясно, что он не понимает, куда нам следует плыть.

Внезапно ветер резко усилился, началась качка. Пелену тумана пронзила вспышка света, затем низко заворчал гром. Еще несколько секунд – и налетел шквал. Хлынул ливень, мгновенно намочив паруса. Сверху слышалась ругань Ротгута, который вел наблюдение с площадки вперёдсмотрящего – вместе с мачтой он описывал гигантские дуги, словно сидел на верхушке маятника метронома.

Переход до Нью-Йорка должен был осуществиться без больших осложнений, тем более последняя его фаза. Но что-то, похоже, было не так.

– В чем дело, капитан?

– Не знаю! – крикнул Слэйт и резко положил штурвал вправо, пытаясь изменить курс, однако волны продолжали нести нас вперед.

На носу Би изо всех сил натягивала стасель-нирал, пытаюсь убрать носовой парус. От ее движений рында, прикрепленная к ее поясу, издавала глухое звяканье.

Корпус корабля жалобно застонал под ударом огромной волны. Следующий, еще более страшный вал захлестнул палубу. Кашмир схватил меня за руку и подтащил к мачте. Я ухватилась за нее, отворачивая лицо от ветра, и почувствовала под пальцами острые щепки и отверстие – это было место, куда угодила пуля британского офицера. Еще одна волна разбилась о нос корабля и прокатилась по палубе. Холод забортной воды обжег мне ноги.

– Не торопитесь! – крикнул Слэйт. – Мне нужно больше времени.

Кашмир начал действовать. Взмыв по трапу на четвертьдек, он стал готовиться к сбросу плавучего якоря. Я принялась помогать ему перевалить якорь через кормовое ограждение. Не успела вода наполнить парусиновый конус, как в борт «Искушения» ударила еще одна волна, встряхнув корпус так, что у меня застучали зубы. На этот раз Кашмир пошатнулся и едва не упал. Одной рукой я схватила его за запястье, а другой вцепилась в ограждение в ожидании следующего вала. Но нового удара так и не последовало. Волнение внезапно успокоилось, и мы плавно соскользнули с края карты.

Глава 2

СВЕЖИЙ БРИЗ РАЗОГНАЛ ВАТНУЮ ПЕЛЕНУ ТУМАНА. Черные воды сменили цвет на темно-синий. Я заморгала и прищурилась – в лицо мне ударили лучи поднимающегося из-за горизонта солнца. Нет, я ошиблась – солнце уже заходило. Вдали сверкающей ломаной линией отчетливо просматривались силуэты нью-йоркских небоскребов. Однако башен-близнецов Международного торгового центра я не увидела, а значит, мы попали не в восьмидесятые годы двадцатого века. Впрочем, чтобы понять это, на берег можно было и не смотреть. Капитан громко выругался, ударил кулаком по штурвалу и принялся мерить палубу шагами взад и вперед, словно разъяренный тигр клетку. Мы находились вблизи южной оконечности Манхэттена, был конец мая 2016 года.

Интересующий нас аукцион должен состояться через три дня – независимо от того, будут ли у нас деньги, чтобы выиграть его, или нет. Впрочем, у меня таилась слабая надежда. Если окажется, что мы не попали на аукцион из-за какой-то ошибки капитана, а не по моей вине, я еще какое-то время буду находиться в безопасности.

Море окончательно успокоилось, и корабль скользил по воде, словно лист по поверхности пруда. Я разжала пальцы, которыми стискивала ограждение и запястье Кашмира, а за-

тем недоуменно развела руками.

– Мне показалось, что карта была в полном порядке, – негромко произнесла я.

Капитан, услышав мои слова, взвился, будто ужаленный, – ему почудились в моей фразе обвинительные интонации.

– А может, ты чего-то не заметила? – спросил он, злобно посмотрев на меня.

Я спокойно встретила его взгляд:

– Она была нарисована от руки. Очень подробная. С представленной датой. И совершенно нам незнакомая.

Говоря, я поочередно загибала пальцы. Какой бы подробной ни являлась карта, побывав в тех местах, которые были на ней изображены, мы не могли снова туда вернуться. Слэйт, однако, нередко забывал, где он находился и что делал. Но на сей раз речь шла о карте, которую я едва успела купить. По этой причине я была совершенно уверена, что отец еще ни разу ее не использовал.

– И все-таки она привела нас не туда!

– И что же случилось? – спросила я.

– Неплохая попытка, Никси, – усмехнулся отец.

Я сердито взмахнула рукой:

– В таком случае думай об этом сам.

– Ты уверена, что у тебя нет идей по поводу случившегося? – спросил капитан и сделал шаг в мою сторону. Потом еще один. – Я знаю, что ты здорово нервничала по поводу предстоящего путешествия в Гонолулу.

Его сомнения больно уязвили меня. Я знала цену своим способностям, знаниям, своему умению проложить курс. Без них я была бы на судне просто балластом. Лицо мое покраснело от гнева. Краем глаза я заметила, что Би и Кашмир наблюдают за мной.

– Не взваливай на меня свои ошибки, Слэйт!

Капитан несколько секунд, стоя на месте, сверлил меня пристальным взглядом, а затем, стиснув зубы так, что на щеках вспухли желваки, вернулся к штурвалу. Взявшись за его рукоятки, от сжал их с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Однако, его гнев не мог перенести нас в нужное десятилетие.

Ко мне подошла Би. Ее бровь, которую пересекал шрам, блестела – то ли от пота, то ли от осевших на коже капель морской воды.

– Если с 1981 годом ничего не получается, может, ты знаешь какую-нибудь другую карту, которая приведет нас в подходящее место? Туда, где мы сумели бы продать тигров за наличные.

Я прижала пальцы к вискам, пытаюсь вспомнить все, что мне когда-либо доводилось читать. Это была нелегкая задача.

– Пожалуй... пожалуй, их могли бы купить в Древнем Риме – для представлений в Колизее. Но даже если капитан согласится возвращаться в такое далекое прошлое, мы скорее всего потеряем все деньги на обратном пути.

– Не говоря уже о том, что подобная сделка была бы бесчеловечной, – заметил Слэйт, глядя на меня с осуждающим видом.

– А сплавить тигров какому-то китайцу, главарю банды якудза из нью-йоркского Чайна-тауна – это, по-вашему, гуманно? – с ухмылкой подал голос Кашмир.

– Убивая тигра, человек совершает антигуманный поступок, – пробормотал Слэйт. – Впрочем, убийство человека тигром тоже антигуманно.

– Банда, про которую говорит Кашмир, называется Белые Тигры, – пояснила я. – Кстати, якудза – японцы. А наш потенциальный покупатель – действительно китаец, но он из триад.

– А какие деньги в Древнем Риме, *амира*? – поинтересовался Кашмир. – Что у них в обращении? Золотые монеты?

– Большинство монет не из золота. Но они в любом случае представляют собой немалую ценность.

– Нам придется искать нового покупателя, – напомнил Слэйт. – Тот парень, которому я сбывал монеты, умер два года назад.

– Сколько времени могут занять поиски другого? – спросила я.

– У нас до аукциона всего три дня, – сказал капитан.

– Теперь уже два, – поправил его Кашмир.

– Ну так придумайте что-нибудь! – воскликнула я.

Внезапно раздался странный резкий звук. Капитан, выру-

гавшись, бросил штурвал, сбежал по трапу с квартердека, нырнул в свою каюту и захлопнул дверь. Би, первый помощник капитана, сразу заняла его место. На мгновение мне му-чительно захотелось оказаться на ее месте, за штурвалом.

– Вы ведь ничего такого не делали? – тихо спросил Кашмир.

– Что ты имеешь в виду?

– С картой.

Я удивленно заморгала:

– Нет! Если бы мне пришло в голову что-либо подобное, для этого был более подходящий случай – и карты тоже.

– Ясно. – Кашмир, чуть наклонив голову, внимательно по-смотрел на меня. – А все-таки, почему вы так нервничаете из-за Гонолулу?

– Это трудно объяснить, – произнесла я, отвернувшись и хмуро глядя на воду.

Медь поручней холодила мои ладони. Кашмир, един-ственный на борту корабля, не был посвящен во все подроб-ности моего появления на свет. Мне почему-то хотелось, чтобы он оставался в неведении. Да, конечно, он один из са-мых надежных людей, кого я знала, и ему можно доверять. Но сможет ли даже он понять мой страх? А что, если он, что еще хуже, начнет бояться за меня? Впрочем, я сознавала, что в сложившейся ситуации, если не объясню Кашмиру, в чем дело, скоро он обо всем узнает сам. Но как ему объяснить? Никогда и никому я не рассказывала эту историю.

– Вижу корабль!

Посмотрев в том направлении, куда указывал тощий па-
лец впередсмотрящего Ротгута, я сначала различила в отда-
лении ходовые огни, а затем заметила белое судно с плавны-
ми обводами. Оно явно направлялось в нашу сторону.

– Кто это?! – крикнула я.

– Береговая охрана!

Глядя на судно, я несколько секунд пыталась убедить се-
бя, что его целью являемся не мы, но тут снова раздался
крайне неприятный, резкий гудок. Я бросилась к капитан-
ской каюте и постучала в дверь. Прежде чем она открылась, я
успела сосчитать до десяти. Показалось, будто при виде меня
в глазах Слэйта мелькнуло удивление. В руках у него была
шкатулка, которую он обычно держал у себя под кроватью.
Не было нужды объяснять ему, что ее надо лучше спря-
тать: если пограничники поднимутся на борт, объяснить на-
личие на судне опиума будет куда труднее, чем присутствие
двух живых тигров.

– Вы нужны у рации, – сказала я.

Пальцы Сэйта крепче сжались на шкатулке.

– Эта штука может помочь работе карты, – пробормотал
он.

– Быстрее, капитан! – С этими словами я захлопнула
дверь – пожалуй, несколько сильнее, чем следовало.

Когда я снова появилась на палубе, Би делала разворот,
а Кашмир поднимал дополнительный парус. Вспахивая вол-

ны, мы прибавляли ход, двигаясь в восточном направлении вдоль южного берега Лонг-Айленда. Я ухватилась за фал, помогая Кашмиру и одновременно наблюдая за судном береговой охраны, огни которого теперь были у нас за кормой. Расстояние между кораблями сокращалось.

По словам Слэйта, нью-йоркская береговая охрана всегда доставляла много хлопот. Подкупить ее сотрудников было почти невозможно. Все это еще больше усугубилось после 2001 года. Нью-Йорк перестал быть тем диким и безалаберным городом, каким являлся в 80-е годы, во времена молодости моего отца. К тому же в береговой охране служило множество любителей старых, антикварных, если можно так выразиться, судов, и наш корабль просто не мог не вызвать у них желания пощупать все собственными руками и заглянуть в каждый уголок.

«Искушение» было весьма изящной каравеллой с черным корпусом, окованным снизу до самой ватерлинии медью, чтобы подводную часть не испортили морские черви. Судно имело заостренный киль, похожий на плавник морского чудовища, и было от носа до кормы покрыто вырезанными на нем рунами. Носовую часть судна под бушпритом украшала резная деревянная скульптура русалки с длинными распущенными волосами и обнаженной грудью – согласно поверьям, ее выставленные напоказ прелести должны были успокаивать море в шторм.

Даже если сотрудники береговой охраны не стали бы

обыскивать наше судно, то наверняка не отказали бы себе в удовольствии постоять на его палубе и подержаться за штурвал, рассказывая Слэйту о том, как в детстве играли в пиратов. Оказавшись на борту, они наверняка услышали бы рев тигров, спрятанных в трюме. Стиснув зубы, я продолжала ждать капитана, прислушиваясь к тому, как где-то внизу огромные полосатые кошки ворочаются и порываются в своих хлипких бамбуковых клетках.

Я уже собиралась снова постучать в дверь капитанской каюты, когда Слэйт вышел наконец на палубу, держа в руках рацию, которая издавала свист и шипение. Он долго смотрел, моргая, на корабль береговой охраны, освещенный слабеющими лучами заходящего солнца. Сердце у меня сжалось: расширенные зрачки отца закрывали почти всю радужную оболочку.

– Капитан! – окликнула его я.

Мой голос заставил его очнуться и начать действовать. Подняв к губам рацию, он произнес в микрофон:

– Береговая охрана Нью-Йорка, береговая охрана Нью-Йорка, на связи корабль «Искушение», корабль «Искушение», прием.

Мы напряженно ждали ответа, однако из динамика рации по-прежнему доносились только треск и какое-то шуршание. Би, сунув в рот палец, принялась грызть ноготь.

– Он нашел другую карту? – спросила она чуть погодя.

Я отрицательно покачала головой и сказала:

– Все равно сейчас неподходящий момент для того, чтобы приступить к Навигации. Он просто не может начать ее сейчас, когда на нас смотрят.

– Не может или не хочет? – уточнила Би.

– Ему не следует этого делать. Об этом тут же будет доложено всем и вся. А кто-нибудь еще и заснимет все, а потом выложит в Интернет...

– Да уж, есть вещи которые лучше не демонстрировать, – подхватила Би. – Да только, если мы окажемся в тюрьме, все наши фокусы могут всплыть наружу сами собой. Там человек постоянно на виду, и скрыть что-либо очень трудно.

– Береговая охрана Нью-Йорка, береговая охрана Нью-Йорка! – снова произнес в переговорное устройство Слэйт. – Вызывает корабль «Искушение», прием.

Ходовые огни, находившиеся у нас за кормой, приближались. Под ногами у меня раздался тигриный рев, от которого, кажется, завибрировала вся палуба.

– А что мы будем делать, если они так и не выйдут на связь? – спросила я.

– Вышвырнем их за борт, – ответил Кашмир и соорудил недовольную гримасу.

– Наркотики?

– Тигров.

– Береговая охрана Нью-Йорка! – снова попытался вызвать по рации наших преследователей Слэйт. – С вами говорит капитан корабля «Искушение», прием.

И опять – никакого ответа. Корабль береговой охраны был уже совсем близко.

– Капитан... – позвала было я, но тут Слэйт выругался, уронил рацию на палубу и шагнул к штурвалу.

– Принеси мне карту, Никси! – велел он.

– Какую?

– Любую!

– Но...

– Быстрее!

Внезапно лежавшая на палубе рация ожила. Мы все замерли.

– «Искушение», это береговая охрана Нью-Йорка. Переключитесь на канал шестьдесят шесть. Прием.

Слэйт выполнил распоряжение, но из динамика по-прежнему доносилось лишь едва слышное шипение. Прошло еще несколько секунд.

– «Искушение», это береговая охрана Нью-Йорка, – слышался, наконец, голос с явным бруклинским акцентом. – Слэйт? Прием.

– Да, – с облегчением выдохнул капитан. – Да, это Слэйт. Это ты, Брюс? Прием.

– Да, это Брюс. К нам поступил звонок. Вблизи береговой линии обнаружили нечто подозрительное. – Брюс рассмеялся, отчего в динамике переговорного устройства раздались громкий треск и щелчки. – А это, оказывается, ты.

– Пиратские корабли всегда пугают мирных яхтсменов,

Брюс, – отозвался Слэйт. – Но я не думал, что из-за моей посуды может беспокоиться доблестная береговая охрана.

– Забеспокоиться? Ничего подобного. Ребята просто хотят побывать у тебя на борту. За вами идет «Орел», а у них в составе экипажа – курсант морского училища, мой племянник. Ему никогда не доводилось бывать на парусных судах. Покажешь ему, что и как?

– Вот оно что, – с облегчением выдохнул Слэйт и бросил взгляд на приближавшийся корабль. – Вообще-то я бы с удовольствием, Брюс, но... – Капитан посмотрел на меня. – Понимаешь, мы немного заняты. У моей дочери день рождения, и мы готовимся к вечеринке. Дел у всех по горло. Прием.

Мои брови поползли вверх от удивления:

– День рождения? У меня?

– Да неужели, приятель? День рождения у твоей дочки? – снова раздался голос из динамика. – И сколько же ей исполнилось? Четырнадцать? Прием.

Я в гневе затрясла головой, но Слэйт не обратил на меня внимания.

– М-м, ну да, – подтвердил он.

– Опасный возраст, капитан, – тихо пробормотал себе под нос Кашмир.

– Что ж, в таком случае, не будем мешать вам праздновать, – произнес Брюс. – Передай дочери мои поздравления. А я скажу своему племяннику, что ему придется немного

подождать – побывает на паруснике в другой раз. Может, оно и к лучшему. А то он у меня уж больно симпатичный парнишка. Добро пожаловать домой. Прием.

– Спасибо. Брюс. Конец связи.

– Спасибо, Брюс, – едва слышно произнесла я.

Слэйт выключил рацию. Через несколько секунд корабль береговой охраны сбавил ход и изменил курс. Откинув с лица волосы, я стала смотреть, как огни «Орла» удаляются и тонут в наступающих сумерках. Капитан, разжав пальцы, уронил рацию на палубу и закрыл ладонями нижнюю часть лица.

– Наконец-то нам хоть немного повезло, *амира*, – усмехнулся Кашмир.

– Ну, разве что самую малость, – кивнула я.

– Вы правы. Пожалуй, было бы лучше, если бы этот красавчик, племянник Брюса, побывал у нас на борту.

– С какой стати? Ты что же, надеялся, что на «Орле» окажется еще и симпатичная племянница этого самого Брюса?

Кашмир подмигнул, но даже наша шутливая перепалка не подняла мне настроения. Мы подходили к портам Хэмптонского рейда, однако при этом ни на йоту не приближались к цели нашего путешествия. Из-за тигров мы не могли войти ни в одну гавань. Брюс, которого Слэйт при каждом удобном случае задабривал дорогими спиртными напитками, отозвал корабль береговой охраны. Но как только мы пришвартовались бы у какой-нибудь пристани, сотрудники

портовых служб наверняка слышали бы тигриный рев.

– Никси! – раздался у меня за спиной голос капитана.

Я обернулась. Слэйт снова занял место за штурвалом, но по-прежнему был очень напряженным.

– Что? – спросила я, хотя прекрасно знала, что именно он собирался сказать.

– Мне нужна твоя помощь. – В голосе Слэйта послышались умоляющие нотки. – Я не могу пропустить этот аукцион. Мне действительно необходима карта, которую выставят на торги. Пожалуйста.

Я изо всех сил старалась, чтобы мое лицо ничего не выражало, но в душе у меня, будто прилив, поднималось чувство вины. Выбрав не ту карту, я проложила неверный курс. Я с самого начала совершала ошибку за ошибкой.

– Еще раз все проверю. Вероятно, я что-то упустила.

– Вряд ли, – заметил Кашмир, вынимая из кармана часы.

– Я рада, что ты так мне доверяешь. Погоди-ка!

С этими словами я резко выбросила вперед руку и попыталась выхватить у Кашмира карманный хронометр. Однако, сомкнув пальцы, я поймала пустоту – Каш был гораздо быстрее меня.

– Дай мне посмотреть на них.

Кашмир без возражений выполнил мою просьбу. Диаметр часов составлял три дюйма. На золотой крышке было вытиснено выпуклое изображение Адама и Евы в раю. Хронометр был гораздо тяжелее, чем казался на вид. На задней сторо-

не корпуса я обнаружила фирменный знак и даже серийный номер. Состояние часов было практически идеальным, хотя они и побывали в воде. Я сжала губы, устыдившись своего лицемерия. Еще совсем недавно я отругала Кашмира за кражу часов, а теперь... теперь думала о том, что они стоят вдвое больше, чем можно выручить за тигров.

Кашмир наклонил голову – он угадал мои мысли.

– Все, что принадлежит мне, ваше, *амира*, – сказал он.

Я шагнула к нему и в знак благодарности прижалась лицом к его плечу. Затем, отстранившись, позвала:

– Капитан!

– Что? – откликнулся Слэйт.

Я бросила ему хронометр. Капитан поймал его на лету и поднял повыше, чтобы рассмотреть.

– Кстати, мне шестнадцать, – произнесла я.

– Верно, – согласился Слэйт отсутствующим тоном, продолжая разглядывать часы. Внезапно глаза его расширились. – Ну надо же!

Крепко зажав в пальцах золотой хронометр, он поцеловал его. А затем начал хохотать, да так, что ноги у него слегка подогнулись, и он всем телом навалился на штурвал.

– Легко пришли, легко ушли. Так всегда и бывает, – заметил Кашмир. Снизу снова донесся возмущенный тигринный рык. Мой приятель закатил глаза и добавил: – Ну, по крайней мере, в большинстве случаев.

– Почему тигры такие беспокойные? – спросила я и кив-

нула в сторону капитана, который продолжал с восхищением разглядывать золотой корпус часов. – Я точно знаю, что опиум у нас не закончился.

– Верно, *амира*, но вот мяса больше нет. Я скормил зверям все до последнего кусочка.

Ротгут, вытянув шею, свесился со своего насеста на форсалинге, и ветер стал трепать его жидкую бородку.

– Ты скормил им все, что было в камбузе? – поинтересовался он.

– Ага. И то вяленое мясо, что ты держал у себя под матрацем, тоже.

– Ах ты, ворюга! – возмутился Ротгут.

– Обжора! – с улыбкой парировал Кашмир.

Ротгут принялся изрыгать ругательства по-китайски, Кашмир ответил ему тем же на фарси. Би прервала их перебранку, зазвонив в рынду, подвешенную к ее поясу.

– Успокойтесь, – негромко сказала она, и ее карие глаза заискрились. – Вы оба правы.

– Итак, – обратился ко мне Кашмир, – где мы можем оставить тигров?

– Оставить? – снова возмутился Ротгут. – Это еще с какой стати?

– А что ты предлагаешь с ними делать? – спросила я, склонив голову набок.

– Каш ведь сказал, что у нас вышло все мясо.

Я едва удержалась, чтобы не рассмеяться шутке Ротгута –

если только это была шутка.

– Ради всего святого, мы не станем их есть, – произнес Слэйт и указал на темневшую впереди береговую линию. – Мы высадим их на сушу.

– Что? Просто высадим? Где?

– Отличный вопрос! – улыбнулся мне капитан.

– Ладно, сейчас. – Я посмотрела вверх, стараясь сосредоточиться, но из-за близости огромного города звезд на небе почти не было видно. – Подождите минутку.

Я побежала в свою каюту. Мой сотовый телефон все еще лежал в кармане джинсов, которые были на мне во время нашего последнего по времени визита в Нью-Йорк. Тогда я заранее заплатила двадцать долларов за Интернет, чтобы иметь возможность при необходимости воспользоваться поисковой системой «Гугл». Возвращаясь на палубу, я включила устройство.

– Эй, Ротгут!

– Чего?

– Ты можешь быстро найти в Интернете кое-какую информацию? А ты, Каш, погаси ходовые огни – нужно, чтобы на палубе стало потемнее.

– И чем же это вы с Ротгутом собираетесь заниматься? – поинтересовался Кашмир, идя на нос.

– Лично я хочу найти список спонсоров организации «Друзья зоопарка в Бронксе».

Глава 3

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ МЫ ОСТАВИЛИ ТИГРОВ НА БЕРЕГУ ХЭМПТОНСКОЙ ГАВАНИ, в частном доке, рядом с огромным домом какого-то филантропа, обожающего дикую природу во всех ее проявлениях. Ротгут умудрился выловить несколько крупных рыб и неохотно отдал их Кашмиру, который наспиговал их опиумом в достаточной степени, чтобы тигры на какое-то время успокоились. Затем мы помчались прочь на всех парусах. Примерно через час, когда мы проходили Файр-Айленд, над нами пролетели вертолеты, но, к счастью, мы не привлекли внимания пилотов.

Следующее утро выдалось ясным и солнечным. Мы вошли в нью-йоркскую гавань за день до аукциона. Слэйт смотрел на приближающийся берег с таким видом, будто никогда в жизни не испытывал разочарований и понятия не имел, что это такое. Он поминутно улыбался мне, словно приглашая разделить свою радость. Что ж, это лучше, чем его приступы черной меланхолии, во время которых он пытался взвалить на меня ответственность за свои промахи.

Мое настроение тоже улучшилось. Частично это было связано с погодой и с временем года. Сообщив Брюсу о моем дне рождения, Слэйт солгал лишь частично. Мне действительно было шестнадцать лет или около того, хотя точно мой возраст не был известен никому – ни Би, ни Ротгуту, которые

появились на борту «Искушения» раньше меня. Разумеется, не знал его и Кашмир, оказавшийся на корабле всего пару лет назад. По идее, капитан должен был знать, сколько мне лет – он вполне мог бы произвести кое-какие подсчеты, если бы его интересовало что-нибудь, кроме собственных переживаний. Однако и для него мой возраст оставался тайной за семью печатями. Что ж, в конце концов, он находился в море, когда я появилась на свет. А когда вернулся, причем в то место, которое сильно отличалось от того, которое он когда-то покинул, моя мать уже умерла.

Первые месяцы своей жизни я провела в притоне для курильщиков опиума, где мои родители в свое время познакомились. Присматривала за мной владелица заведения, которую все называли тетушка Джосс. Какое-то время отец предавался скорби – в той единственной форме, которую считал для себя возможной. Затем в один прекрасный день заявился в курильню, завернул меня в лоскутное одеяло и унес. Он даже не потрудился ни о чем спросить у Джосс, поэтому точно установить мой день рождения было теперь уже невозможно. Команда обычно праздновала его в начале лета, в день моего похищения из курильни отцом – если только нам выпадало провести несколько дней в месте, где можно было говорить о начале лета. И хотя на сей раз ничто не свидетельствовало о предстоящем празднике, от одного лишь факта, что отец упомянул о моем дне рождения, настроение у меня поднялось. Нередко бывало так, что папаша просто

забывал о нем.

Но главной причиной моей радости являлось то, что капитан пригласил меня к штурвалу, когда корабль входил в гавань Нью-Йорка между Лонг-Айлендом и Стейтен-Айлендом. Правда, он стоял рядом со мной, а вход в устье Гудзона был обозначен буйками. Но, держа руки на штурвале и уверенно направляя корабль к берегу, я почувствовала, как сердце мое забилося чаще. На какой-то момент мне даже показалось, будто я – капитан своей судьбы.

Город навалился на нас с правого борта – незнакомый, непонятный, полный странных людей. Нигде в современной Америке вы не найдете места, где на относительно небольшом пространстве помещалось бы столько всего. Люди из разных концов света жили здесь бок о бок, а порой чуть ли не друг у друга на голове.

Пришвартовавшись, наш корабль присоединился к другим образчикам истории всемирного флота, которые выстроились у причальной стенки. Пока мы шли к пристани в Рэд-Хук, пассажиры стейтен-айлендского парома с любопытством смотрели в нашу сторону и показывали на «Искушение» пальцами, но интерес их был недолгим. В двадцатом веке парусники встречаются редко, но жителям Нью-Йорка они явно не в диковинку.

И все же Нью-Йорк, в который мы попали, не был тем городом, где прошла юность моего отца. Пожалуй, единственным напоминанием о нем был сам капитан. Высокий, покры-

тый татуировками и болезненно худой, он выглядел бы весьма органично, коротая ночь на скамейке на давно канувшей в Лету Томпкинс-сквер.

Как только мы пришвартовались, Слэйт надел тщательно отглаженные брюки и прикрыл синие разводы татуировок дорогим пиджаком. Ему предстояла встреча с дилерами, занимавшимися антиквариатом. В своем новом облачении он вполне мог сойти за обычного нью-йоркца, к тому же вполне обеспеченного. Однако лихорадочный блеск в глазах свидетельствовал о том, что он испытывает нервное напряжение и дискомфорт. Они были вызваны не тем, что отец находился на суше и в совершенно незнакомом, чужом ему Нью-Йорке. Все дело заключалось в том, что, куда бы он ни отправился, он нигде не мог почувствовать себя дома.

Мне было знакомо это ощущение. Я его унаследовала.

Сунув в карман старинный золотой хронометр, Слэйт пошел на встречу, предварительно снабдив нас списком дел, которые нам надлежало выполнить перед отплытием. Он включал, помимо прочего, починку одной из балок рангоута, сломанной во время шторма, и заполнение эпоксидной смолой дырки, которую проделала в мачте выпущенная англичанином револьверная пуля. Мое обратное превращение из капитана в боцмана произошло очень быстро, но Кашмир почти не подтрунивал надо мной по этому поводу. Он усердно работал плечом к плечу со мной – пилил, строгал, шлифовал, – и в конце концов балка была отремонтирована, а

отверстие в мачте заделано. Работа на несколько часов отвлекла меня от мыслей о предстоящем аукционе.

К вечеру капитан вернулся с тяжелым кейсом в руках и в приподнятом настроении. К этому времени мы с Кашем уже успели покрыть починенную балку первым слоем лака и собирались нанести второй.

Слэйт со стуком поставил кейс на палубу и, радостно улыбаясь, воздел руки кверху и бросился к нам.

– Что случилось? – спросила я.

– Дай пять, – сказал Слэйт, продолжая держать поднятой правую ладонь.

Кашмир рассмеялся. Я красноречиво посмотрела на свои пальцы, испятнанные смолой и лаком, после чего снова перевела взгляд на идеально чистую кисть капитана. Он подмигнул мне, и я, не удержавшись, расплылась в улыбке. Слэйт одной рукой хлопнул Кашмира по спине, а другую положил мне на плечо.

– С часами все вышло просто великолепно! – воскликнул он.

– Я это вовсе не планировала, – сказала я.

– Знаешь, как говорят? Лучший экспромт – хорошо подготовленный экспромт, а тебе в таких делах, похоже, нет равных. – Отец наклонился и поцеловал меня в макушку.

– Папа!

– Удача любит смелых – вот вам еще одна поговорка, – продолжил отец, указывая на Кашмира. Затем снова воздел

руки к небу и, откинув голову назад, устремил взгляд в небеса. – Сами звезды благоприятствуют нам!

– Звезды тут ни при чем, – рассмеялась я.

– Вот как? А что же тогда?

– Юпитер.

– Но ведь звезды на небе тоже есть. Просто сейчас их не видно. Если бы ты могла их видеть, то убедились бы, что они выстроились особым образом. – Взяв с палубы чемоданчик, отец направился к своей каюте. – Судьба на нашей стороне. Так и должно быть. Гарантирую, завтра к вечеру мы снова будем в раю.

Улыбка на моих губах исчезла.

– Во сколько завтра аукцион, капитан? – поинтересовалась я.

Остановившись, отец немного помедлил, прежде чем ответить.

– Рано, – коротко бросил он и, шагнув через порог каюты, захлопнул за собой дверь.

Я еще некоторое время смотрела ему вслед. Когда капитан не давал прямого ответа на мой вопрос, это всегда было плохим знаком. Однако мне хотелось завтра присутствовать на аукционе, чтобы увидеть карту и понять, что мне предстоит. Тот, кто предупрежден, вооружен – кажется, так сказал Сервантес.

Кашмир, испытующе подняв брови, внимательно наблюдал за мной, но я сделал вид, будто не замечаю этого.

– Я до сих пор не поблагодарила тебя за часы, – сказала я и, обмакнув кисть в ведро с черным лаком, стала водить ею по мачте. – Мне с самого начала следовало придумать что-нибудь в этом роде вместо того, чтобы затевать авантюру с тиграми.

– История с часами была забавной, – промолвил Кашмир.

– Для тебя – может быть. – Я бросила на него сердитый взгляд. – Но не для меня.

– Нет-нет, *амира*, – запротестовал Кашмир, склонив голову набок. – Все в порядке. Мы привезли двух бенгальских тигров в двадцать первый век. Здесь это очень редкие и очень ценные животные.

– Но не такие ценные, как золотой карманный хронометр.

– Что ж, возможно, за них не удастся выручить столько, сколько за часы. Воры знают цену всему, но не знают подлинной ценности – кто это сказал?

– Оскар Уайльд. Только не воры, а циники, – поправила я.

– Вот как? Что ж, это все объясняет.

Я показала Кашмиру язык и посмотрела на едва заметные бороздки, оставленные на поверхности лака кистью.

– Думаешь, мы успеем закончить сегодня?

– Лак должен подсохнуть. Так что закончить можно и завтра. С утра пораньше, – ответил Кашмир и бросил на меня короткий изучающий взгляд.

Чтобы нанести последний слой лака на мачту, мы вста-

ли еще до рассвета. После того как мы закончили, Кашмир тщательно вытер руки тряпкой, пропитанной растворителем. Я проделала ту же процедуру более небрежно, поэтому под ногтями у меня остались черные полукружья. Кашмир, пользуясь случаем, поспал еще немного в моем гамаке. Я же осталась дожидаться отца на палубе, буквально вибрируя от нервного напряжения.

Увидев меня, Слэйт замер:

– Ты что, собираешься отправиться со мной?

– Я могла бы помочь. Еще одна пара глаз лишней не будет – на случай, если это окажется не настоящая карта, а подделка или копия.

Лицо отца потемнело:

– Никакая это не подделка.

Я попыталась рассмеяться, но из моей груди вырвались звуки, больше похожие на кашель.

– Я видела другие твои карты, датированные 1868 годом, Слэйт. Некоторые были нарисованы чуть ли не простым карандашом.

– На аукционах «Кристис» подделки не продают.

– Пару лет назад они это сделали. Я говорю о картине под названием «Одалиска». Был большой скандал.

Отец открыл рот, затем снова закрыл его и провел ладонью по аккуратно причесанным волосам.

– Я уже опаздываю, – заявил он, наконец.

– Так поехали скорее.

Я растолкала Кашмира, и мы втроем, погрузившись в толпу, отправились на метро из Бруклина в сторону Рокфеллеровского центра. Аукционный дом «Кристис» был большим зданием из белого известняка, стоявшим на южной стороне большой площади. Рядом с ним на флагштоках в теплом летнем воздухе развевались десятки разноцветных флагов.

Мы с Кашмиром дошли с отцом до конца огромного вестибюля. При виде нас дежуривший у входа охранник отложил газету и потребовал, чтобы отец предъявил удостоверение личности. При этом он с явным неодобрением окинул взглядом Кашмира, который был одет в необычного покроя белую льняную рубашку, расстегнутую чуть ли не до талии. Не понравилась охраннику и я – с траурной каймой под ногтями и в потрепанной куртке с капюшоном. Удостоверение личности имелось только у Слэйта.

Охранник, не спуская глаз с Кашмира, куда-то позвонил. Затем, повесив трубку, покачал головой с таким видом, что нетрудно было понять – он ничуть не жалеет, что ему придется отказывать двум посетителям из трех. Слэйт широко развел руками, демонстрируя разочарование, и направился к лифтам, на ходу бросив:

– Мне очень жаль, ребята. Я скоро вернусь.

– Но, папа...

Вернувшись, отец взял мои руки в свои.

– Все будет в порядке, Никси, поверь мне:

Затем он ободряюще улыбнулся мне и вскочил в подъе-

хавший лифт, двери которого закрылись прежде, чем я успела что-либо ответить.

Но даже успею я что-нибудь сказать, разве это что-то бы изменило? Ничто не могло заставить моего отца отступить от своих планов. Много раз я пыталась использовать все возможные аргументы – и все безрезультатно. В последний раз это было, когда в его руки попала очередная карта, датированная 1868 годом. Я посмотрела вслед поднимающейся вверх кабине лифта, и мне стало трудно дышать. Где-то там, несколькими этажами выше, находилась карта, которая для меня была подобна дамоклову мечу.

Охранник снова с шелестом развернул газету. Перед моими глазами мелькнули фото и заголовок на первой полосе – «Осторожно, тигры!». Огромные полосатые кошки на фото показались мне знакомыми. Усыпленные, они лежали в кузове полицейского фургона. Кашмир, поймав мой взгляд, подмигнул мне. Затем с уверенным видом, которого мне никогда не удавалось добиться, он подошел к висевшему на стене огромному панно и стал внимательно его изучать.

Я принялась грызть ноготь большого пальца и сразу почувствовала на губах вкус лака. Что же происходило там, наверху? Начался ли аукцион? Проявляли ли интерес к карте другие участники, и если да, то насколько большой? Вынув мобильный телефон, я нажала кнопку и взглянула на засветившийся экран. Прошло всего восемь минут. Чтобы хоть чем-нибудь занять себя, я начала чистить электронную по-

что от сообщений, нападавших в ящик за то время, пока мы были в Нью-Йорке в предыдущий раз, но это нисколько не помогло мне успокоиться. Тогда я сунула сотовый обратно в карман и стала наблюдать за охранником, который отложил газету и, нахмурившись, с неприязнью сверлил взглядом Кашмира. В любую эпоху Каш вызывал подозрение у тех, кому надлежало следить за порядком.

Кашмир, продолжая рассматривать панно с расстояния всего в три дюйма, прошел вдоль него от начала до конца, а затем двинулся обратно. Наконец он отошел от стены на несколько шагов и громко прочитал надпись на табличке в правом нижнем углу:

– «Настенное панно номер восемьсот девяносто шесть». – Голос его разнесся эхом по всему вестибюлю. Кашмир насмешливо произнес: – Надо же, какое интересное название. Впрочем, сюда больше подошел бы номер пятьсот тридцать два. А вы что скажете, *амира*? А цвет, цвет, вы только посмотрите... Какая вульгарность... И вообще такое впечатление, что краска даже не успела высохнуть...

Охранник шумно вздохнул.

После часа ожидания, в течение которого я проверяла время на экране мобильного телефона в среднем раз в семь минут, терпение мое иссякло. Подойдя к Кашмиру, я взяла его под руку и повела к массивным дверям из стекла и бронзы – туда, где находился выход из здания.

– Мне нужен воздух, – объяснила я.

– Подождите минутку, *амира!* – воскликнул Кашмир и, высвободив руку, рысцой подбежал к охраннику и наклонился над его столом. – К сожалению, моя спутница вовсе не ценительница искусства, – обратился он к изумленному сескьюриту.

Затем Кашмир снова приблизился ко мне и, приоткрыв двери, помог выйти на улицу.

– Я и не знала, что ты сам такой знаток, – заметила я, оказавшись на тротуаре.

Кашмир со смехом нахлобучил мне на глаза капюшон моей куртки.

– Во всяком случае, красть предметы искусства мне до сих пор не приходилось. Но всегда следует быть к этому готовым – мало ли какой может подвернуться случай. Я что, вас смутил?

– Да. И ты прекрасно знаешь об этом.

– Да ладно вам. Я просто дурачился. Кстати, в квартале отсюда я видел симпатичное кафе.

– У меня нет американских долларов.

– И что?

– *Нет*, Кашмир. Всю прошедшую неделю за нами то и дело кто-нибудь гонялся. С меня хватит. Ты видел фото на первой полосе газеты?

– Само собой. – Он вытащил из-за пояса сложенный номер «Дейли ньюс» и раскрыл его на второй странице. – Фото неплохое, но заголовки у них просто ужасные.

– Это что, тот самый экземпляр, который...

– Да.

– Кашмир!

– Газеты – как зонтики. Когда один человек оставляет где-нибудь свежий номер газеты, всегда найдется тот, кто его возьмет. К тому же этот тип, когда читал, шевелил губами, а это отвратительно. И потом, я знал, что вы захотите прочитать по крайней мере одну статью.

Я схватила газету, опасаясь, что охранник увидит ее через стеклянную дверь и бросится следом за нами, и запихнула за пазуху. Затем снова достала и жадно впиалась глазами в строчки. Оказалось, что тигров, живых и невредимых, передали ветеринарному врачу городского зоопарка.

– Спасибо, – улыбнулась я и, сложив газету, убрала ее в свою сумку.

– Не за что, *амира*.

Неожиданно я сообразила, что Кашмир украл газету вовсе не ради того, чтобы разозлить охранника, а чтобы развлечь меня. Развлечь и успокоить.

– Спасибо, – повторила я на этот раз с куда большим чувством.

Кашмир небрежно пожал плечами:

– Не за что. Кстати, на днях вы собирались мне что-то рассказать. – Он осторожно откинул капюшон куртки с моей головы. – Ну же, *амира*. Похоже, в Гонолулу находится нечто такое, что очень нужно капитану. Что же это?

Закусив губу, я оглянулась на здание аукционного дома «Кристис», а затем посмотрела на тротуар у себя под ногами. Частишки слюды в асфальте ярко искрились под лучами солнца.

– Моя мать. Она умерла там, в Гонолулу, в 1868 году, в тот самый день, когда я появилась на свет.

Глава 4

Я НЕ МОГЛА ЗАСТАВИТЬ СЕБЯ ПОСМОТРЕТЬ В ЛИЦО КАШМИРУ, боясь увидеть в его глазах жалость. Поэтому прислонилась спиной к стене и, скрестив руки на груди, устремила взгляд на спешащую мимо толпу.

– Слэйт попал на Гавайи с помощью старой карты Августа Митчелла 1866 года. Это была карта Сандвичевых островов. Отец до сих пор хранит ее в сундуке, который стоит у него под койкой.

– Я не знал, что в ваших жилах течет и гавайская кровь.

Я покачала головой:

– Скорее китайская. На гавайских плантациях сахарного тростника работало множество мигрантов. Слэйт познакомился с моей матерью в опиумной курильне.

– Вот как.

– Ты все не так понял! Моя мать, Лин, не была курильщицей опиума. Она там просто работала. К трубкам с зельем она никогда даже не прикасалась. И именно мать отучила отца от курения опиума. Хотела бы я знать, как она это сделала. – Я слабо улыбнулась. – Попробую спросить ее об этом, если у меня появится возможность.

– Так вот зачем ему понадобилась птица...

– Птица действительно обладает способностью исцелять, но моя мать умерла от инфекции. Пенициллин помог бы ей

не хуже магии.

Брови Кашмира медленно поползли вверх.

– Тогда почему он не достал для нее лекарство? – спросил он.

– Слэйт находился в море, когда она заболела. Он даже не знал о ее беременности. – Я вздохнула, подумав, что надо уговорить Ротгута рассказать всю историю до конца. Слэйт отказывался это сделать. – Ему нужны были деньги, чтобы они с матерью могли пожениться и зажить счастливо. У отца имелась карта Гонконга 1850 года и еще одна карта Гонолулу – 1869 года. Чтобы заработать денег, он в начале 1868 года отплыл в Китай, надеясь продать там партию опиума. Когда вернулся в 1869 году, я уже родилась, а моей матери... уже не было в живых.

– Значит, он ищет карту 1868 года, чтобы спасти вашу маму. – Кашмир охватил ладонью подбородок и устремил взгляд куда-то вдаль. – Но действительно ли ему по силам изменять прошлое?

– Мы делаем это всякий раз во время Навигации, – напомнила я. – Подумай о часах, которые ты украл. Или о тиграх.

– Карманные часы – это все-таки не человек, *амира*, – возразил Кашмир и пристально посмотрел на меня. – Если у вашего отца получится то, что он задумал, то как это повлияет на ход истории за период с 1868 года по 2016-й?

– Я не в курсе, Кашмир, в этом-то и проблема! Некоторые люди считают, что возникнут два разных варианта действи-

тельности или что это уже произошло, просто я об этом не знаю. Другие думают, что, если изменить прошлое, это просто-напросто...

Не в силах продолжить, я молча широко развела руки, и мы с Кашмиром какое-то время смотрели на пустоту между ними.

– Какие другие? – поинтересовался после паузы Кашмир. – Другие Навигаторы?

– Нет, ученые. Я никогда не встречала других Навигаторов, кроме Слэйта, и он ничего не говорил мне об их существовании.

Кашмир прислонился спиной к стене дома, и мы принялись смотреть на медленно ползущий поток желтых такси. Наконец он покачал головой:

– Нет, он этого не сделает. Возможно, он мечтает снова увидеть ее, но не станет так рисковать.

– Ты его не знаешь, – возразила я, с трудом выдавив улыбку. – Это не первая карта, с помощью которой отец пытается проделать подобное.

Кашмир уставился на меня. Я еще никогда не видела на его лице такого изумления:

– Когда это было?

– Большею частью такое случалось, когда я была помладше. – Я пожала плечами, стараясь скрыть подступающий страх, от которого мне вдруг стало трудно дышать. – Большинство карт, которые ему удавалось раздобыть, ни на

что не годились. Одна из них даже была сделана с помощью ксерокса. Последняя попытка случилась около трех лет назад. Примерно за полгода до того, как на борту появился ты. Это была карта издательства «Ашер и Адамс». Отец купил ее у какого-то коллекционера на Таити. Помню, он был страшно возбужден. Я пыталась спросить у него, что будет со мной, если карта сработает, но он твердил только, что я должна ему доверять. Я старалась, но...

Как мне описать страхи и сомнения, терзавшие меня в то время? Я не могла это сделать. Воспоминания были обрывочными – наверное, нечто подобное испытывает человек, смытый с палубы волной во время сильного шторма и чудом спасшийся. У меня просто не находилось нужных слов.

К счастью, в тот раз карта не сработала. После этого в душе Слэйта поселилось отчаяние. Несколько месяцев он пребывал в депрессии. В течение всего этого времени мы бесцельно скитались по Тихому океану, кишасшему китами и большими белыми акулами. Отец ни с кем не общался. Я оставляла подносы с едой у двери капитанской каюты, но он, как правило, к ним даже не прикасался. Наконец, однажды он вышел на палубу – бледный, исхудавший, с темными кругами под глазами. В камбузе он поглотил много еды, затем подошел к борту, перегнулся через ограждение, и его вывернуло наизнанку. После этого Слэйт уснул на свернутом канате. На следующий день, проснувшись, он снова встал к штурвалу. С тех пор отец не сказал ни слова по поводу того,

что с ним тогда произошло.

Я была этому очень рада. Страшно смотреть, как сильный человек стоит на краю пропасти. В такой момент он может, падая вниз, утащить с собой любого, кто окажется рядом. Мне не хотелось, чтобы нечто подобное случилось со мной.

За три года, которые прошли с тех пор, я убедила себя в том, что пригодных для Навигации карт, относящихся к интересующей отца эпохе, на свете больше не осталось, что я нахожусь в полной безопасности, а капитан наконец оставил прошлое там, где ему и положено находиться – позади. Но, как выяснилось, я ошибалась.

– Но что? – услышала я вопрос Кашмира и словно очнулась. Я стояла рядом с ним на нью-йоркской улице, закусив губу с такой силой, что во рту у меня появился металлический привкус крови.

– Но отец понятия не имеет, что может случиться со мной. И мне кажется, ему на это наплевать.

– *Амира...*

В глазах и в голосе Кашмира я уловила такую смесь сочувствия и отвращения, что едва смогла это вынести. Поэтому при виде вышедшего из аукционного дома отца я почти обрадовалась. Он направился к нам. Кашмир, ухватив меня за локоть, прошипел мне на ухо:

– Зачем вы ему помогаете?

Отец на ходу размахивал кейсом и широко улыбался. Такое с ним случалось очень редко.

– Как я могу отказать ему, Кашмир? – пробормотала я. – Ведь моя мать умерла из-за меня.

Слэйт подошел к нам. На его щеках его горел румянец. В этот момент я словно увидела его глазами матери, полюбившей его с первого взгляда – что ж, пожалуй, ее можно понять. Слэйт был хорош – как бывают хороши, с точки зрения туристов, руины какого-нибудь древнего города.

– У тебя счастливый вид, – произнесла я.

– Да, Никси, да, я действительно счастлив! Так оно и есть. Я никогда не бываю разочарован, попадая в Нью-Йорк. Люблю этот город!

Слэйт развел руки в стороны, чем привлек к себе внимание некоторых прохожих. Кашмир напряженно смотрел на него.

– Я тоже рада, – сказала я и взглянула на чемоданчик. – Ну что, она там?

– О нет, нет, нет. Ее упакуют в специальный футляр и доставят прямо на корабль. Простите меня, – обратился Слэйт к проходящей мимо женщине. Прежде чем она успела возразить, он взял ее двумя пальцами за запястье, поднял ее руку на уровень своих глаз и тут же отпустил. Бросив на Слэйта негодующий взгляд, прохожая поспешила дальше.

– Благодарю вас! – бросил он ей вслед. – Итак, сейчас четыре часа.

Поставив кейс на тротуар, Слэйт порывисто обнял нас с Кашмиром за плечи.

– Я просто сгораю от нетерпения! – воскликнул он.

Я слегка подвинула кейс ногой.

– Значит, в нем ничего нет? Ты потратил все, что у тебя было?

– Никси, – с ноткой разочарования в голосе отозвался отец и, подхватив кейс, поставил его на крышку стоящего рядом мусорного бака. – Никси, Никси, Никси! Неужели ты думаешь, что я совсем не умею экономить?

Щелкнув застежками, он откинул крышку кейса и продемонстрировал нам с Кашмиром толстые пачки двадцатидолларовых купюр.

– Видите? Твоя мама, Никси, научила меня торговаться!

Видимо, Слэйт в самом деле пребывал в состоянии эйфории, раз упомянул о матери. Глаза его горели лихорадочным огнем. Интересно, надолго ли его хватит?

– Господи, отец, – прошептала я, видя любопытные взгляды прохожих, – хочешь, чтобы тебя ограбили?

– Хочу! – рассмеялся капитан и указал на Кашмира. – Пусть это сделает он.

Выхватив из кейса пачку банкнот, Слэйт движением пальцев превратил ее в веер.

– Вот, смотрите. Видите? Это вам, вам. – Он, не считая, стал пихать двадцатидолларовые бумажки нам в руки. – А что останется, отдайте Би и Ротгуту.

В руках у меня оказалось около пятисот долларов.

– Значит, мы получили временное увольнение на берег?

Слэйт, который в это время пытался снять с себя галстук, удивленно взглянул на меня:

– Увольнение на берег? Зачем?

– Чтобы потратить это, – пояснила я и улыбнулась Кашмиру. – В выходные в городе открывается выставка, посвященная Книге мертвых. А завтра вечером состоится семинар о дохристианских культурах, существовавших на территории Армении...

– О Никси, пожалуйста, только не это. – Капитан наконец стянул с себя галстук и швырнул его в кейс. – Для этого у нас нет времени. Мы выходим в море завтра утром.

– Ладно, могу я хотя бы заглянуть в книжный магазин?

– Мы еще должны принять на борт припасы, которые нам доставят. Но если по дороге в порт ты зайдешь в какую-нибудь букинистическую лавку, я не стану возражать.

Хрустя зажатými в пальцах банкнотами, я сердито посмотрела на Слэйта. Меня всегда раздражало то, что я не могла располагать своим временем.

– Ладно, забудь, – сказала я и бросила бесполезные купюры к себе в сумку. Газета, которую дал мне Каш, имела для меня гораздо большую ценность, чем они. – Пошли на корабль.

Эйфорический блеск в глазах отца потускнел, но лишь на несколько секунд.

– Хочешь быть в курсе всего происходящего? Вот что значит моя дочь! – Слэйт, крепко обняв меня, приподнял от

земли.

– Папа! – недовольно воскликнула я, но тоже обняла его как можно крепче.

Опустив меня на тротуар, капитан несколько секунд пристально смотрел мне в глаза, а затем метнулся к продавцу каштанов, стоявшему неподалеку со своей тележкой. Купив полдюжины бумажных пакетиков с лакомством, Слэйт опрокинул один себе в рот, а другие, энергично жуя, распихал по карманам.

Аукционный дом «Кристис» прислал карту с курьером, который прибыл в порт на автомобиле. Когда вечером к пристани подкатил длинный «Линкольн», Слэйт, несколько часов в нетерпении бродивший по палубе, словно лев по клетке, уже успел успокоиться. Би подписала квитанцию о доставке и вместе с Кашмиром отнесла футляр с картой к капитанской каюте. Слэйт, стоя на палубе, наблюдал за происходящим – двигались только его глаза. Лишь после того, как Би и Кашмир поставили футляр на палубу рядом с дверью, он подошел к каюте, взял футляр, занес его внутрь и закрыл за собой дверь. Когда она захлопнулась, на моем лице против воли появилась болезненная гримаса. Би тихонько откашлялась и приблизилась ко мне. Наклонившись вперед, я оперлась локтями на ограждение, тянувшееся вдоль борта. Мы с Би вместе стали смотреть, как лучи заходящего солнца окрашивают в розовато-оранжевый цвет небоскребы Манх-

эттена.

– Красивый вид, – сказала Би, вернее, просипела – на ее горле был хорошо виден страшный шрам, петлей опоясывающий шею.

– Да, – кивнула я.

Залитый светом город на берегу действительно прекрасен – как и погружающийся в темноту океан.

– Мне бы хотелось провести здесь больше времени, – призналась я.

– Нам тоже, – откликнулась Би. – Айен нравятся огни города, а мне – бык.

– Какой бык? Медный? На Уолл-стрит?

– Да. Он напоминает мне быка из моей песни, хотя и пасется совсем на другой лужайке. – Я засмеялась, а Би потрогала висевший на ее поясе колокольчик. – Иногда я скучаю по своему стаду.

– А Айен?

Би улыбнулась, и шрамы на ее щеках зашевелились и изогнулись.

– Ей очень не хватает танцев. Она говорит, сегодня в клубе «Красный крюк» где-то в Бруклине будет какая-то вечеринка с домашней музыкой. Что это за музыка такая – домашняя? Она пыталась мне объяснить, но я так и не поняла.

Би покачала головой и подмигнула. Я, не удержавшись, улыбнулась в ответ. Би была из племени наас, живущего в Северной и Восточной Африке. Племя считало коров и бы-

ков своими родственниками – и одновременно валютой. Когда-то Айен была женой Би. Ее убили много лет назад, еще до того, как Би появилась на борту нашего корабля. Согласно верованиям племени наас, Айен оставалась где-то рядом с Би. Иногда она позволяла себе небольшие шалости из тех, которые порой устраивают привидения. Например, могла заставить Би уронить что-нибудь на пол в кают-компании во время завтрака или споткнуться о лежавший на палубе свернутый канат. Или сообщить ей о готовящейся вечеринке.

– Признайся, если бы мы не отправлялись в плавание завтра утром, ты бы сводила ее в этот самый «Красный крюк»?

– Ну да. Хуже всего то, что она об этом прекрасно знает.

– Понимаю. На корабле танцы случаются нечасто.

Я посмотрела на дверь капитанской каюты:

– Скажи, Би, ты бы хотела вернуться обратно?

– Обратно? Куда?

– В Судан. В те времена, когда Айен еще была жива.

– Странная мысль. Мы ведь там уже были. – Би погладила рубец у себя на шее. – Твой отец сам не знает, что делает. Хочешь, я ее сожгу?

– О чем ты?

– О карте. Надо было сделать это в прошлый раз, да только я слишком поздно спохватилась. – Би с досадой дернула головой, словно у нее над ухом прожужжала муха. – Хотя, если честно, это была идея Айен. Но я бы с удовольствием проделала такую штуку.

– Сжечь карту? – Странно, что мне самой подобная мысль ни разу не пришла в голову. Сжечь карту было бы совсем не трудно. Однако я тут же больно прикусила себе губу от стыда. Однажды я уже лишила отца карты. – Нет. Нет, спасибо, не надо. Я... Я уверена, что карта не сработает, – солгала я. – Ни одна из них не сработала.

– Что ж, ладно, как скажешь. Просто мне показалось, что ты обеспокоена.

Видимо, какое-то время Би ждала от меня ответа. Потом, поняв, что его не будет, положила руку мне на плечо и через секунду убрала ее.

– Я собираюсь заняться сортировкой припасов, – произнесла она. – Пойдем, поможешь мне.

Би всегда говорила, что лучшее лекарство от переживания – тяжелая физическая работа. Я спустилась следом за ней в трюм, где все еще пахло тиграми, хотя на месте клеток стояла гора разнокалиберных картонных коробок. Растворимый кофе – мой отец жить не мог без этой дряни. Целый поддон туалетной бумаги. Лекарства и дезинфицирующие средства – аспирин, йод, антибиотики. Зубные щетки с бамбуковыми ручками, зубная паста со фтором, обеспечивающая отбеливающий эффект.

Вскрывая коробки, мы принялись перегружать их содержимое в деревянные корабельные сундуки. Затем передвинули пустую тару к борту и отмыли и отскоблили в трюме пол так, что тиковые доски заблестели. Когда Би принялась

полировать их пчелиным воском, на пол упала откуда-то коробка витаминов. Би тихонько выругалась, попеняв за это Айен. В трюме к тому моменту стоял легкий запах меда. Когда мы наконец полностью закончили сортировать груз, я почувствовала себя лучше. И ощутила сильный голод.

– Наверное, скоро обед, – сказала я, с трудом выпрямляясь и держась за поясицу. Через открытый люк в трюм проникал розовый свет заката.

– Возможно, время обеда уже прошло, – заметила Би. – Летом здесь темнеет довольно поздно.

– Что же ты молчала! – возмутилась я и, не дожидаясь ответа, бросилась к трапу и стала торопливо подниматься по ступенькам на палубу. Би последовала за мной.

Пока мы работали в трюме, Каш и Ротгут подготовили все необходимое для торжества. На палубе был накрыт стол, а на нем расставлены едва ли не все деликатесы, которые мог предложить Нью-Йорк: цыплята с рисом в остром соусе, свинина с клецками в пенопластовых формочках, картонная коробка с надписью «Пицца ди Фара», сэндвичи с бастурмой толщиной с хороший словарь, сочный чизкейк, украшенный темно-красными глянцевыми ягодами клубники.

Кашмир широко раскинул руки и с улыбкой произнес:

– С днем рождения! Точнее, за тот день, когда вы были похищены.

– Хорошо, что мы тебя украли, – добавил Ротгут и приветственным жестом поднял зажатую в костлявом кулаке банку

светлого бруклинского пива.

Оглядевшись, я поняла, что на палубе нас только четверо, и обиженно вздернула подбородок. Кашмир похлопал ладонью по сиденью стула, стоявшего рядом с ним и повернутого спинкой к двери капитанской каюты. Мы принялись за праздничный обед, поглядывая на огни Манхэттена, отражавшиеся в воде. Отец, наверное, перебиравший в каюте карты, так к нам и не вышел.

Глава 5

ПОСЛЕ ПРАЗДНИЧНОГО ОБЕДА Я, ЧУВСТВУЯ НА СЕБЕ ВЗГЛЯД БИ, положила на чистую тарелку побольше еды и постучала в дверь капитанской каюты. Слэйт не ото-звался, но, поскольку дверь была не заперта, я открыла ее и вошла.

В каюте было душно и горел приглушенный свет – отец накрыл лампы кусками ткани. От выстроившихся вдоль стен каюты полки, на которых громоздились карты, исходил специфический запах старой бумаги. Слэйт жадно копил карты и хранил их, словно дракон свое сокровище. Каких только карт здесь не было: из бумаги и пергамента, из хлопковой ткани и шелка, из шкуры кенгуру и акульей кожи. Здесь можно было увидеть карты, оттиснутые на медных листах, нарисованные на погребальных урнах. В том числе имелась одна, нацарапанная на шляпке высушенного гриба. У отца была даже изготовленная в 1906 году карта Роберта Пири, с изображением Крокерланда – материка, в существовании которого человечество было уверено почти семь лет. Затем данную теорию признали ошибочной, и после 1914 года Крокерланд больше не появлялся ни на одной карте.

Чувствуя, что мне не хватает свежего воздуха, я пересекла каюту, споткнувшись о стопку книг на полу, и открыла иллюминатор. В каюту ворвался свежий ветер. От его дуно-

вения заколебались черные занавески, за которыми скрывалась койка. На ней я увидела спящего капитана. На его груди, словно бумажное одеяло, лежала карта. Я крепко стиснула кулаки, чтобы сдержать желание, подкравшись, завладеть ею.

Справившись с собой, я шагнула к чертежному столу, на котором лежала карта 1981 года, придавленная сверху чашками с остатками кофе. Сняв с абажура лампы накрывавший его кусок ткани, я склонилась над столом, вглядываясь в очертания береговой линии. Картограф весьма подробно, во всех деталях изобразил окрестности Нью-Йорка, раскрасив районы прилегающей к городу местности в разные цвета. Я не увидела никаких внешних признаков того, что карта может не сработать.

Вздохнув, я скатала ее в трубку и засунула в сундук, набитый картами, не оправдавшими надежд. Именно в этом сундуке лежали остальные карты Гавайских островов 1868 года. В любом случае у меня не было оснований беспокоиться по поводу того, что наше новое приобретение, купленное на аукционе, может чем-то отличаться от предыдущих. Ни малейших.

Я нарочно захлопнула крышку сундука с громким стуком, но капитан даже не шелохнулся. Тогда я решила заняться уборкой. Поднимая книги, беспорядочно разбросанные по полу, я принялась расставлять их по полкам. Затем отправила в плетеную корзину грязную одежду. На одной из по-

лок стояла клетка с каладриусом. Я наполнила плошку птицы водой.

Рядом с койкой валялось на полу скомканное покрывало. Подняв его, я увидела под ним открытую шкатулку, в которой хранились самые ценные для Слэйта предметы: героин в виде куска темного смолистого вещества, старая трубка, иглы для шприца, флакон с таблетками. Еще в шкатулке была карта 1866 года – периода, предшествовавшего моему появлению на свет, после которого все пошло не так.

Я отправила шкатулку под койку пинком – таким сильным, что она ударилась о стену.

Почувствовав, что мои ладони стали влажными, я вытерла руки о запасной комплект постельного белья и комком бросила его на пол. Затем сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы в голове хоть немного прояснилось. К счастью, солнце давно уже зашло, и легкий ночной бриз, дувший с океана, наполнил каюту свежестью и прохладой. Слэйт, укрытый купленной на аукционе картой Гавайских островов, датированной 1868 годом, по-прежнему не шевелился, если не считать мерных движений грудной клетки. Не в силах больше бороться с собой, я осторожно зажала уголок карты между большим и указательным пальцами и потянула к себе. Слэйт тут же беспокойно задвигался и обеими руками прижал карту к груди, а потом открыл глаза и уставился на меня.

– Я хочу положить ее на стол, – объяснила я.

Отец увидел тарелку, которую я принесла, и отпустил карту. Я взглянула на нее, и сердце у меня сжалось. Карта была совсем не такой, как остальные. Все линии были тщательно прорисованы от руки чернилами, которые успели сильно поблекнуть. Четкими цифрами и печатными буквами на ней были проставлены дата и подпись составителя – А. Сатфин. Я сразу поняла, что передо мной оригинал. Впрочем, это еще не гарантировало, что карта сработает. Внезапно я почувствовала, что отчего-то безумно рада тому, что мы не попали в Нью-Йорк 1981 года.

– Хорошая карта, не правда ли? – спросил Слэйт.

Я посмотрела на него. Он сидел на краю кровати с тарелкой на коленях. К еде он пока еще не притронулся, напряженно ожидая моего ответа.

Бросив на карту еще один взгляд, я слегка пожала плечами:

– Надеюсь, она стоит денег, которые за нее заплатили.

– Она просто бесценная, Никси.

– Пожалуй.

Ни одной складки, ни единого постороннего пятнышка...

Кто-то хранил эту карту как зеницу ока.

– Спасибо, – произнес Слэйт.

– За что? – удивилась я.

– За карту, – ответил капитан и взял в руку вилку. – И за обед.

Я поджала губы. А чего я, собственно, ждала? Теперь, ко-

гда Слэйт получил, что хотел, он мог позволить себе быть благодарным и великодушным.

– Не за что, капитан, – негромко отозвалась я, продолжая разглядывать карту. На ней был изображен только остров Оаху, но зато во всех деталях. Я не могла не восхищаться красотой и точностью работы составителя.

Решив, что в полной мере отдал дань правилам вежливости, отец с аппетитом принялся за еду.

– Вкусно, – пробормотал он с набитым ртом.

– Я рада, – рассеянно промолвила я, по-прежнему изучая карту в поисках дефектов или неточностей и не находя ни того, ни другого. Изготовитель карты обозначил даже основные улицы Гонолулу – Нууану, Беретания, Кинг-стрит. Он также не забыл отметить местонахождение почты и главных церквей. В самом центре города находился дворец Иолани, резиденция гавайского короля. Неподалеку от него, всего в нескольких кварталах к северо-востоку, располагался местный Чайна-таун. Я скрипнула зубами.

– Между прочим, – сказал отец, энергично жуя, – в последний раз я ел сэндвич с бастурмой от Каца, когда мне было столько же лет, сколько тебе. Это ведь из заведения Каца, верно?

– Да.

– А почему ты такая спокойная? Ты что, не рада?

Внезапно лицо Слэйта вытянулось, и он уронил вилку на пол. Добрую минуту мы оба молчали. Потом отец поднял

вилку и закрыл глаза.

– Была праздничная вечеринка, – тихо пробормотал он.

– Ничего страшного. – Я пожала плечами.

– Прости, Никси. Мне очень жаль.

– Я не хочу говорить об этом, капитан.

– Кашмир предупредил меня, а я забыл.

– Я все понимаю.

– Но я же извинился! Я сказал, что мне очень жаль! И это правда. Я просто очень рассеянный, ты же знаешь. А тут еще эта карта. – Слэйт отложил в сторону тарелку. – Она замечательная, правда? Можно считать, что это подарок.

– Подарок?

– Ну да. Тебе.

Мне стало так горько, что я не смогла больше сдерживаться.

– Мне? – переспросила я таким тоном, что отец понял, что перегнул палку.

– Ну... разве ты не хочешь повстречаться со своей матерью?

Я уловила в его вопросе расчет – отец явно хотел вызвать у меня чувство вины.

– Моей матери больше нет, Слэйт. – Я положила карту на стол и разгладила ее. – На той карте, откуда я родом, она мертва.

Слэйт заметно побледнел:

– Именно поэтому мы раздобыли новую карту!

– Новая карта – иная версия происходящих событий. – Я провела пальцем по тропику Рака. – Тебе нужна новая жена?

– О чем ты говоришь?

– Я очень много думала об этом. На той карте, на которой ты познакомился с моей матерью, она умерла. Значит, на другой карте это будет уже не она. Она будет другая.

И я – тоже. Я не стала произносить это вслух. Но интуиция подсказывала, что отец не придал бы моим словам никакого значения.

Слэйт встал и скрестил руки на груди.

– Но ведь место то же самое, – возразил он.

– И что?

Я открыла створки одного их шкафов, того, который был набит сказочными картами, и наугад вытащила одну.

– Вот, смотри, Слэйт! Греция. Гора Олимп, населенная богами. А теперь гляди сюда. – Я достала еще одну карту. – Двести лет спустя другой картограф заменил Зевса Юпитером. Дальше – больше. Во времена Османской империи на горе Олимп уже не было никаких богов. Так что, вернувшись в то место, где ты бывал раньше, не надейся, что там все будет по-прежнему.

– Нет, будет! Нужно только оказаться там в то же самое время!

Я мрачно улыбнулась, глядя, как отец возбужденно забежал по каюте:

– Ты помнишь, где мы нашли Кашмира? – снова загово-

рила я. – На французской карте Персии 1740 года, в Ваади-аль-Маас. А вот карта империи Надир Шаха, тоже 1740 года. Взгляни-ка. То же время, то же место, но города с таким названием здесь нет. Да и береговая линия тоже другая. Поэтому, если бы мы отправились сюда, то нашли бы Кашмира? Где – посреди Персидского залива?

– Но ведь эти карты изготовлены двумя разными людьми. Нельзя сравнивать представления какого-то француза о...

– Митчелл и Сатфин – тоже два разных картографа.

– Но они составляли карту одних и тех же Гавайских островов.

– Каких именно? Тех, которые существуют в моей памяти? Или в твоём романтическом представлении, где они больше похожи на сказку?

– Это вовсе не сказка!

Последнюю фразу отец не сказал, а выкрикнул. Это меня немного отрезвило. Глаза Слэйта горели опасным огнем.

– Ну, хорошо, – примирительно промолвила я. – Предположим, у тебя все получится. А что потом?

– Что значит – «что потом»? Что ты имеешь в виду?

Я открыла было рот, но тут же одернула себя. Мне не хватило решимости произнести вслух то, что я хотела сказать. *Что тогда будет со мной?*

Отец глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

– Дальше мы все будем жить долго и счастливо, – сказал он. – Ты многому научилась, Никс. Ты хорошо разбираешься

в картах. Но есть вещи, в которые я верю, и это для меня главное.

У меня перехватило дыхание – слишком уж недвусмысленно Слэйт сформулировал свою мысль.

– Что ж, ясность – это хорошо, – с горечью заметила я. – По крайней мере, теперь я буду знать, что не слишком много для тебя значу – вместе со своими мыслями и стремлениями.

– Я вовсе не это хотел сказать. – Слэйт неуверенно протянул ко мне руку, но тут же опустил ее и с такой силой сжал кулак, что у него побелели костяшки пальцев. – Если я раскрою тебе один секрет, тебе станет легче?

Я раздраженно закатила глаза:

– Капитан, мне не двенадцать лет!

– Это касается Навигации.

От этих слов Слэйта мои горечь и гнев разом улетучились. Я столько раз просила его открыть мне эту тайну! Почему он решил сделать это именно сейчас? Было ли это выражением благодарности? Или, может, чувства вины? Так или иначе, это было единственное, что мне было нужно от Слэйта.

– Ну, и в чем же он? В чем состоит секрет?

Отец обернулся назад и некоторое время молча смотрел на тарелку, которую оставил на кровати. Затем он отломил кусок хлеба от сэндвича и просунул его сквозь прутья клетки каладриуса. Птица склонила голову набок и прыгнув с жердочки, принялась доверчиво клевать хлеб, который Слэйт держал в руке. Я молчала, боясь, что новый вопрос за-

ставит отца передумать и отказаться от своего намерения.

– Навигация – это не только карты, – произнес он наконец, не сводя глаз с птицы, словно обращался к ней. – Это еще и вера.

– Вера? – переспросила я. – Что ты хочешь этим сказать?

Страхнув крошки хлеба, прилипшие к пальцам, Слэйт снова уселся на кровать.

– Я никогда не мог попасть в место, в существование которого не верил. Сомнение может привести к тому, что карта перестает работать.

Край карты, изготовленной человеком по фамилии Сатфин, слегка задрался. Я легонько провела по нему пальцами.

– Значит, ты просто веришь, что карта сработает? Но это никакой не секрет.

– Если вера в успех определяет, будет ли работать карта, думаю, от нее вполне может зависеть, что именно ты найдешь там, где окажешься.

– Думаешь или знаешь?

– Ну, хорошо, хорошо, знаю. – Слэйт провел руками по волосам. – Я знаю, что твоя мать окажется там, где я ожидаю ее увидеть, и все будет хорошо.

– Как ты можешь быть уверен?

– Потому что это судьба. – Отец рассеянно посмотрел на меня или, точнее, сквозь меня. – Есть вещи, которые неизбежны.

Я стиснула зубы, почувствовав себя обманутой.

– То, что ты сказал, не имеет никакого отношения к Навигации. Это всего лишь твои фантазии.

Мне казалось, что по моему лицу нетрудно понять, насколько я разочарована, но отец, похоже, ничего не заметил. В каюту снова ворвался порыв ветра, и я поежилась.

– Если ты действительно встретишься с Лин, мы сможем выбросить все это за борт. – Я указала на стоявшую под койкой шкатулку. – Ты ведь знаешь, если она это увидит, ей будет неприятно.

Я отвернулась, чтобы отец не видел выражение моего лица. Мой взгляд снова упал на злополучную карту. Хотелось, чтобы она не сработала, но стоило ли беречь раны Слэйта? Ведь он хотел лишь одного – спастись бегством от ошибок прошлого, и я его прекрасно понимала.

– Расскажи мне еще что-нибудь про Навигацию, – попросила я.

– С какой стати? – спросил Слэйт и рассмеялся.

– С такой... С такой, что я прошу тебя об этом.

В ответ я снова услышала смех и словно окаменела, но все же смогла выдать из себя:

– Пожалуйста.

Слэйт не ответил. В каюте стало так тихо, что я не могла расслышать даже дыхание отца. Наконец, не выдержав, я взглянула на него. Он смотрел прямо на меня, и его лицо было серьезным.

– Зачем тебе это, Никси? – снова спросил он, однако было

ясно, что он уже о чем-то догадывается.

Все же я предпочла ничего ему не отвечать. Если бы я сказала правду – что мне хочется расстаться с ним и больше никогда его не видеть, отправиться туда, где его нет и где он никогда не появится, – отец втянул бы меня в долгий и бесполезный спор. Если бы я принялась настаивать на своем, он отказался бы меня учить.

– Затем, что я тебе помогала, – произнесла я наконец.

Слэйт соорудил недовольную гримасу:

– Мы здесь не торгуемся и не заключаем сделки, Никси. Только не мы с тобой. И спорить нам с тобой не пристало.

– Что ж, я припомню тебе это в следующий раз, когда тебе потребуются деньги на покупку карты.

– Это очень хорошая карта, Никси, – сказал Слэйт и, протянув руку, нанизал на вилку клецку. – Так что следующего раза не будет.

Глава 6

Я ВЫШЛА ИЗ КАЮТЫ, ОСТАВИВ СЛЭЙТА ДОЕДАТЬ ОБЕД. Вечеринка давно закончилась. На палубе не было ни души. Опершись о борт, я стала смотреть на машины, проезжающие по скоростной магистрали, которая соединяла Бруклин и Куинс. Ночной воздух был довольно прохладным. Из-за повысившейся влажности вокруг ярко горящих уличных фонарей и фар автомобилей возникли туманные круги из мельчайшей водяной взвеси.

Прижав большой палец к переносице, я стала думать о том, что напрасно затеяла спор с капитаном. В этом не было никакого смысла. Он уверен в успехе – во всяком случае, так он сказал. А значит, уговорить его изменить свои намерения невозможно.

Впрочем, я все же извлекла кое-какую пользу из нашего разговора. Ничего существенного, правда, но все-таки. По поводу Навигации капитан всегда держал язык за зубами, и теперь я понимала почему. Может, он, наконец, обнаружил, что я стащила одну карту? Впрочем, нет... Если бы это было так, он бы наверняка догадался, что я надеюсь когда-нибудь взять управление кораблем в свои руки. К тому же отец не настолько хорошо знал свою коллекцию, чтобы заметить пропажу.

Я спрятала карту в своей каюте, на самом дне матросского

сундучка, рядом со сбережениями, которые теперь составляли шестьсот сорок два доллара. Это была карта Карфагена времен Римской империи, изготовленная в 165 году нашей эры – желто-коричневого цвета, маленькая и очень ветхая. В те времена обычная соль, которой в современной Америке так много, стоила столько же, сколько золото и драгоценные камни. За небольшое количество соли я вполне могла бы купить небольшой, но быстрый и маневренный корабль.

У Слэйта было огромное количество карт, и однажды я подумала: почему бы и мне не обзавестись хотя бы одной, но такой, с помощью которой я могла бы обеспечить свое будущее? Не проводить же мне всю жизнь на палубе корабля отца, испытывая на себе влияние сокрушительных перепадов его настроения, в ожидании момента, когда ему удастся наконец бросить якорь в гавани, где поет именно его сладкоголосая сирена? Мне нужна была свобода – даже если бы это означало, что я никогда больше не увижу никого из остальных членов экипажа. Если бы я научилась самостоятельно осуществлять Навигацию, ничто не удержало бы меня на борту «Искушения».

Я услышала тихие шаги босых ног по палубе и сказала:

- Мне не нравится, когда ты ко мне подкрадываешься.
- Знаю, – кивнул Кашмир. – Вы что, решили не ложиться?
- Мне что-то не спится.
- Если так, вы не будете возражать, если я повешу ваш гамак здесь? – спросил Кашмир и, подняв бровь, показал мне

полотняный комок, который держал в руке.

Разумеется, у каждого члена экипажа «Искушения» имелась отдельная каюта. На любом другом корабле свободно-го места гораздо меньше – из-за более многочисленной команды, а также необходимости разместить где-то мотор или какое-нибудь имущество. И все же я предпочитала в теплые, безветренные ночи спать на палубе. В моей каюте было слишком пусто, и это порой мешало мне заснуть. Другие члены экипажа держали в своих каютах множество предметов, напоминавших об их прежней жизни – той, которой они жили до того, как оказались на борту. Мне же из моей прежней жизни нечего было взять с собой.

Мы повесили гамак между мачтой и поручнями бортового ограждения, и Кашмир отвесил мне изящный поклон.

– После вас, – сказал он.

Когда я устроилась в гамаке, Кашмир тоже забрался в него и уселся у меня в ногах лицом ко мне. При этом гамак, когда Каш залезал в него, почти не качнулся – мой приятель был прирожденным акробатом. У толстого англичанина в Калькутте не было никаких шансов поймать его.

Наверное, Кашмир заметил мое восхищение. С довольным видом он, закинув руки за голову, потянулся и искоса взглянул на меня.

– Мне из-за тебя ничего не видно, – недовольно произнесла я.

– Там не на что смотреть, *амира*, – последовал ответ. –

Главный вид – это я.

Кашмир с помощью ладоней изобразил вокруг своей головы нечто вроде рамки и рассмеялся. Однако в следующую минуту выражение его лица стало серьезным.

– Мне очень жаль, что вы не попадете на тот семинар про Армению, – сказал он.

– Не переживай. Благодаря тебе у меня появился шанс узнать кое-что интересное. – Я выудила из кармана вырезку из газеты, которую Каш для меня украл. Развернув листок, я прочитала вслух: – «Исчезнувший остров. Остров Песчаный... расположен неподалеку от Австралии... Впервые появился на картах в 1850 году... До недавнего времени его можно было найти и на Гугл-картах. Однако недавно его не обнаружили на спутниковых снимках. Группа ученых попыталась посетить остров, но отыскать его не удалось. По этой причине с Гугл-карт его тоже убрали».

Кашмир нахмурился:

– И что же с ним случилось?

– Возможно, это был небольшой коралловый атолл, который однажды ушел под воду – такое случается нередко. А может, его и вообще не было. В общем, теперь этот островок точно больше не существует.

– Что ж, в мире нет ничего вечного.

Я лягнула Кашмира, заставив закачаться гамак.

– Ты что, не понимаешь? У нас целые кипы карт, на которых изображены места, существовавшие когда-то. С лица

земли исчезает то, что уникально, неповторимо.

– Время исследований и открытий прошло, *амира*. Наступила эпоха глобализации. Если весь мир решает тот или иной вопрос каким-то определенным образом, все другие варианты его решения исчезают.

Я снова сложила вырезку в аккуратный небольшой квадратик. На моих пальцах остались следы типографской краски.

– Жаль, что мы все вынуждены соглашаться с таким порядком вещей.

– Но мы вовсе с ним не соглашаемся. Вы, например, его явно не приемлете. – Кашмир озорно улыбнулся. – Не беспокойтесь. Я все еще люблю вас. Кстати, чуть не забыл!

Он достал из кармана рубашки изящную серебряную цепочку. На ней висел кулон – черная жемчужина в виде готовой распуститься почки, которая пряталась между двумя искусно изготовленными из серебряной пластины листочками. Кашмир покачал кулоном перед моими глазами, словно гипнотизер маятником.

– О нет! – выдохнула я.

– О да. Неужели вы думали, что в качестве подарка получите от меня только вырезку из украденной газеты?

– Похоже, ты и в самом деле не заплатил ни за то, ни за другое.

– Откуда вам это известно? У меня ведь были деньги, полученные от капитана.

– Оттуда, что я не вчера родилась.

– Да ладно вам, *амира!* – рассмеялся Кашмир. – Вчера вы радовались тому, что я искусный вор.

С сердитым видом я скрестила руки на груди:

– Я знаю, но все-таки это нехорошо.

– Какое мудрое замечание. С ним не поспоришь. И все-таки рискну напомнить, что, если бы я не был вором, мы бы никогда не встретились.

– Это точно, – кивнула я и, не выдержав, улыбнулась.

Кашмир, спасаясь от преследователей, забрался на борт «Искушения» в порту фантастического, невероятного города под названием Ваади-аль-Маас, где змеи длиной и толщиной с главную корабельную мачту скользили по коврам из бриллиантов, каждый из которых был размером со сливу. Я стояла ночную вахту, когда худенький юноша вскарабкался на борт и спрятался за фальшбортом. Увидев меня, он предостерегающим жестом приложил палец к губам. Следом за ним из темноты на пристань выбежал целый отряд гвардейцев. Я хорошо помню, как в лунном свете заблестели обнаженные клинки их сабель. Когда командовавший отрядом капитан посмотрел в мою сторону, я показала в сторону ближайшей улицы.

Разумеется, мне следовало догадаться, что присутствие на борту Кашмира создаст немало проблем. А также о том, что он будет оказывать на меня дурное влияние. Но главное было в том, что он стал моим другом.

Кашмир оставался им все два года, которые я провела в местах и эпохах, где никогда бы не оказалась, если бы не мое прошлое. Через несколько дней Слэйт, узнав о появлении на корабле нового члена экипажа, предупредил меня: «Он не всегда был здесь и не останется тут навечно». Вспомнив об этом сейчас, я сглотнула, чувствуя, как у меня внезапно пересохло в горле. Мой отец провел с Лин всего два года. Что было бы для меня лучше – потерять Кашмира или никогда не знать его? На несколько мгновений я вдруг остро почувствовала Слэйту.

Кашмир снова покачал у меня перед глазами серебряной цепочкой с кулоном. Я протянула руку. Он разжал пальцы, и украшение скользнуло мне в ладонь. Где и у кого он его украл? Узнала ли его обладательница о том, что кулон похитили, или решила, что просто потеряла его? Что ж, теперь ему предстояло пополнить мою коллекцию, состоявшую из золотого браслета, пары рубиновых серег и толстого платинового кольца, которое было мне слишком велико. Ни один из этих предметов я никогда не надевала, но Каш не упускал возможности пополнить набор ворованных драгоценностей. Причем его нисколько не волновало, что сама я украшения никогда не покупала. Видимо, ему нравилось красть их.

– Спасибо, Каш.

– Не за что. К тому же, – добавил он, слегка понизив голос и кивнув в сторону капитанской каюты, – у вас на шее уже висит украшение. Подарочек еще тот.

– Оно досталось мне от матери. Так сказать, фамильная драгоценность.

– Вам не повезло, *амира*. Глядя на вас, я иногда радуюсь, что у меня никогда не было семьи.

Почувствовав дуновение ветра, я собрала волосы в узел за затылке.

– Значит, тебя никто нигде не ждет?

Кашмир улыбнулся одними глазами:

– Никто. И никто не будет по мне скучать, если что-нибудь случится. В отличие от вас.

– Ты явно переоцениваешь привязанность ко мне нашего капитана, – усмехнулась я.

На этот раз улыбка тронула и губы Каша:

– Я имел в виду вовсе не его. – Кашмир подмигнул мне.

Я засмеялась. Протянув руку, он осторожно заправил мне за ухо прядь волос. Я почувствовала, как гамак мягко раскачивается – наверное, это покачивался на едва заметной волне корпус корабля. Неподалеку от нас жил своей жизнью огромный город, огни которого отражались в темной воде гавани.

– Вам никогда не хотелось узнать, где ваш дом? – поинтересовался Кашмир.

– Во всяком случае, не на Гавайях. Там я только родилась. Но даже если бы меня вдруг стало разбирать любопытство и удалось бы выяснить, где мой дом, я не хотела бы провести там всю жизнь. На свете столько интересных мест!

– Что ж, – сказал Кашмир, выбираясь из гамака. – Я вижу, вы копите побрякушки – наверное, собираетесь сбежать. Может, я брошу свой последний подарок в общую кучку? – И он протянул руку.

Кашмир шутил, но его слова меня насторожили. Неужели он обо всем догадался?

– С какой стати ты решил, будто я собираюсь бежать? – спросила я и сразу подумала о своей карте Карфагена времен Римской империи и тоненькой пачке купюр. И то, и другое было спрятано на дне моего сундука – именно в том месте, где любой стал бы искать нечто подобное. – Я бы хотела, чтобы ты держался подальше от моей каюты.

– Смешная шутка, принцесса, учитывая, что вы говорите с вором.

Я снова передала ему цепочку с кулоном.

– Вещица не так уж хороша – вряд ли ради нее стоило рисковать.

– Я так люблю это, что просто не могу удержаться.

– Что именно? Воровать у людей украшения в порту?

– Дарить вам драгоценности, к которым вы равнодушны. – Шутливый тон Кашмира не изменился, но он перестал смотреть мне в глаза, и в его голосе я уловила боль одиночества. Пауза в несколько секунд показалась мне вечностью.

– Ты не прав, – проговорила я наконец. – Я к ним вовсе не равнодушна.

Глядя на сверкающую цепочку в его ладони, я вдруг слов-

но увидела ее другими глазами: при том что мы постоянно испытывали недостаток в деньгах, мне почему-то никогда не приходило в голову продать украшения, подаренные мне Кашмиром. Интересно, почему?

– Помоги мне надеть ее, – попросила я и, наклонившись вперед, приподняла волосы с шеи и плеч.

После недолгого колебания Кашмир ловко застегнул замок цепочки у меня на затылке. Пальцы у него были теплые, а его дыхание пахло гвоздикой.

Я напрягла память, пытаюсь найти в ее закоулках слово на фарси, которое однажды заметила в иранском путеводителе и держала в голове для подобных случаев.

– Такашор.

Кашмир рассмеялся, сверкнув кипенно-белыми зубами.

– Ташакор, – поправил он.

– Я так и сказала.

– Нет, не так.

Я сердито сжала губы:

– Ну, хорошо. Дай мне попробовать еще раз. Спасибо тебе, мой друг, – произнесла я на родном английском языке и накрыла жемчужину ладонью. – Она прекрасна.

– Как и вы, *амира*, – сказал Кашмир и положил руку на мою ладонь.

Мы оба улыбнулись так, словно это ничего не значило.

На следующий день мы покинули гавань Нью-Йорка и вы-

шли в устье Гудзона, подняв ослепительно-белые на солнце паруса. Перед нами катила свои зеленоватые белопенные гребни Атлантика. Страх снова принялся терзать мою душу, сужая круги вокруг сердца, точно голодные акулы около добычи.

Горизонт был чист, в голубом небе – ни облачка. Вскоре берег Лонг-Айленда превратился в узкую полоску, затянутую дымкой. Би стояла у штурвала, едва касаясь пальцами его рукояток, Ротгут устроился на мачте на площадке вперёдсмотрящего, свесив ноги вниз. Я стояла у борта, опираясь на ограждение, и жемчужина на цепочке раскачивалась в такт легким колебаниям корпуса корабля. Капитан все еще оставался в своей каюте. Кашмир проверял работу парусов.

– Хотите, я помогу вам с уборкой, *амира*? – крикнул он.

Мы с ним выдраили палубу, как всегда делали перед Навигацией... или попыткой Навигации. Работа давала возможность немного отвлечься от терзающих меня опасений. Но, закончив, я снова оказалась наедине со своими мыслями.

Стоя в тени мачты, я подставляла волосы южному ветру, смотрела на искрящиеся в солнечных лучах воды океана и убеждала себя, что волноваться глупо. Карта не должна была сработать, как бы отец ни верил в то, что все пройдет гладко.

Наконец дверь капитанской каюты со скрипом отворилась, и Слэйт вышел на палубу. Я осталась на месте, наблюдая за ним. Капитан приблизился к Би, и она, шагнув в сторону, уступила ему место у штурвала. Слэйт стал вгляды-

ваться в горизонт. Я – тоже, но тумана вперед по курсу не было. Я накрыла ладонью жемчужину на груди.

Кашмир легонько толкнул меня локтем, и я словно очнулась, сообразив, что всю последнюю минуту не дышала. Как хорошо, что Каш рядом, подумала я и незаметно пихнула его в ответ. Моя проблема состояла в том, что где-то в глубине души я осознавала: карта – настоящая.

– Ну, что вы думаете? – поинтересовался Кашмир по-французски, глядя на Слэйта. – Сколько еще времени пройдет, прежде чем он сдастся? Несколько дней? Несколько недель?

Попав на корабль, Каш уже бегло говорил на нескольких языках. Я научила его читать, а он за это обучил меня основам французского. Благодаря этому он мог прилюдно отпустить рискованные шуточки, которые я понимала.

– На это определенно потребуются недели, – ответила я с деланным равнодушием. – Он будет целыми днями изучать горизонт, потом ложиться спать, а утром снова выходить на палубу и смотреть вдаль. Так может продолжаться довольно долго.

– Что ж, ладно, – сказал Кашмир и, скрестив руки на груди, посмотрел на воду за бортом. – Ротгут говорил, здесь можно ловить лобстеров.

– Мне он тоже про это говорил. Причем с большой горячностью.

– Он всегда заводится, когда речь идет о еде.

– Естественно. Прежде чем стать корабельным коком, Ротгут был монахом.

– Кстати, о еде. Вы не проголодались? Может, позавтракаем? В камбузе еще осталась холодная пицца – если только Ротгут ее не доел.

Я рассмеялась:

– Нет, я пока не голодна. Но я рада, что мы запаслись продуктами на случай, если из-за него нам придется болтаться в море неизвестно сколько. – Я указала подбородком на капитана. При этом обратила внимание, что лицо Слэйта с устремленным вдаль взглядом было очень сосредоточенным – казалось, он видел нечто такое, чего не могли видеть остальные.

Я посмотрела в том же направлении, и у меня перехватило дыхание. Впереди колебалась пелена тумана. Она была еще тонкая, словно кисея, но быстро, буквально на глазах сгущалась. Нью-Йорк исчез у нас за кормой, словно мираж. В ушах у меня запульсировала кровь. Снова налетел порыв ветра, но на сей раз он дул с противоположной стороны, и пряди волос закрыли мне лицо. Он принес с собой какой-то новый запах, непохожий на пряно-солончатый аромат, к которому мы успели привыкнуть, находясь в гавани Нью-Йорка.

Сгустившись, туманная дымка начала быстро таять, и вскоре перед нами уже опять до самого горизонта расстилась ярко-синяя морская гладь.

Карта сработала.

Глава 7

МЫСЛИ МОИ СПУТАЛИСЬ. У меня потемнело в глазах, будто я смотрела на мир сквозь мутное стекло. На мгновение мне показалось, что расстилавшаяся передо мной гладь Тихого океана – последнее, что я вижу. Потом я ощутила на своих плечах теплые руки Кашмира и, бессильно обвиснув, прижалась к нему.

– *Амира!* – позвал он и пальцами приподнял за подбородок мою голову так, что наши взгляды встретились. Впервые с того момента, когда Кашмир появился на борту корабля, я увидела в его глазах страх.

– Со мной все в порядке, – сказала я, чувствуя, как у меня подгибаются колени, и стараясь вновь овладеть своим телом. – В порядке.

– С правого борта земля! – крикнул Ротгут. – А за кормой пароход.

Глотнув побольше воздуха, я прикрыла глаза ладонью и стала вглядываться вдаль. По правому борту на горизонте я в самом деле увидела тоненькую серую полосу, которая через несколько часов должна была превратиться в цепь островов. Это было то самое место, куда я категорически не хотела попасть именно в это конкретное время.

Все оказалось так легко, точно нас специально ждали.

– Приготовились! – крикнула Би и принялась тянуть за

фал-гардель, поднимая дополнительные паруса. Поймав в них попутный ветер, корабль со скрипом прибавил ход.

– Есть приготовиться! – громко произнесла я, чтобы стряхнуть с себя оцепенение.

«Девятнадцатый век, девятнадцатый век, ах, ходовые огни», – пронесли у меня в голове слова песенки. В 1850 году в США и в Великобритании капитанов кораблей, следующих основными морскими маршрутами, обязали выставлять на борту цветные сигнальные фонари. Мы были на одном из таких маршрутов. Так что пароход, находившийся юго-восточнее нас и двигавшийся противоположным курсом, являлся не единственным судном, какое мы должны были встретить в этот день.

Я принялась действовать, хотя ноги все еще плохо слушались меня. Первым делом я принесла сигнальные лампы, которые мы убрали во время путешествия в Калькутту, поскольку они были чересчур продвинутыми с технической точки зрения. Красный и зеленый светильник следовало установить соответственно по левому и правому борту, обычные, некрашенные фонари – на верхушке главной мачты и бушприте.

Я вручила три из четырех фонарей Кашу, и он, взобравшись на мачту, закрепил их в нужных местах. Последний я с помощью веревки установила в носовой части корабля сама. «Искушение» между тем скользило по волнам к острову, где я появилась на свет... или появлюсь на свет... или появилась

бы на свет – это, само собой, зависело от карты.

Когда мы подошли к берегу, бухта Оаху словно раскрыла нам свои объятия. Береговая линия подковой охватывала собравшиеся в гавани суда. Здесь были рыболовецкие шхуны, грузовые суда и весьма грозного вида американские военные корабли с отверстиями пушечных портов вдоль бортов. Между массивными корпусами кораблей юрко шныряли каноэ местных жителей. Пики вулканов, похожие на гигантские черные клыки, цеплялись за низко нависшие облака. Склоны гор были покрыты изумрудным полотном растительности, сшитым во многих местах серебристыми нитями водопадов. В восточной части острова господствовал вулкан под названием Бриллиантовая Голова, кратер которого был ярко освещен солнцем.

Никто не знал, что нам предстояло. Ждала ли Лин возвращения Слэйта, отправившегося в путешествие всего лишь полгода назад, но за время своего отсутствия успевшего проделать путь, которому позавидовал бы даже Улисс? Было ли наше прибытие на Оаху окончанием одиссеи моего отца? И если да, то что будет со мной?

Прибытие на остров не лишило меня способности рассуждать логически. Возможно ли совмещение в одном человеке сразу двух разных людей? Одного, познавшего вкус дальних странствий, и другого, не знающего ничего, кроме домашнего уюта? Мое сознание с трудом привыкало к мысли, которую я долгое время всячески гнала от себя, – что у меня

может быть мать. Я пыталась представить, как она обнимает меня – нежно и осторожно, совсем не так, как отец. Она была его гаванью. Могла ли она стать и моей? Я не знала ответа на этот вопрос. Из всех сказок и легенд, во многие из которых я верила, легенда о моей матери была самой невероятной.

Мне казалось, что для Лин я буду незнакомкой. Как Слэйт представит ей, еще беременной, меня, шестнадцатилетнюю? Как объяснит Лин, что прожил вдали от нее долгие годы, которые ясно обозначились на его лице?

Впрочем, при виде острова, в самом деле похожего на рай, Слэйт словно помолодел на несколько лет. Передав штурвал Би, он выбежал на нос и окинул нетерпеливым взглядом берег, будто надеясь сразу же увидеть Лин. Но вдруг...

В полумиле от берега все его надежды рухнули, а лицо разом осунулось и помрачнело. Я же, напротив, воспряла духом.

Сделав несколько шагов назад, Слэйт закрыл лицо ладонью.

Когда мы пристали к острову, капитан вынес на палубу клетку с птицей и снял с нее покрывало. Каладриус заморгал своими глазками-бусинками, похожими на полированные черные камушки. Я хотела запротестовать, но слова замерли у меня на губах. Слэйт открыл дверцу, извлек птицу из клетки и поднял на вытянутых руках. Склонив голову набок, она внимательно осмотрелась, потом обернулась в мою сторону – а на капитана даже не взглянула. Птица расправи-

ла крылья и взмыла в воздух. Слэйт наблюдал за ней, пока она не исчезла в изумрудной зелени острова.

Я попыталась взять отца за руку, но он стряхнул мои пальцы, словно я была для него совершенно чужим человеком, прошел в свою каюту, захлопнул за собой дверь и запер ее за засов.

От жалости, смешанной с облегчением, я вдруг почувствовала приступ морской болезни. Подняв с палубы клетку, я разломала ее на куски и, продолжая смотреть на берег, побросала их за борт.

Что же такое Слэйт увидел? Может, его смутили теснившиеся в гавани пароходы? Но в них не было ничего необычного – они стали заходить на Гавайи примерно с 1830 года. Возможно, что-то показалось ему странным в городе на берегу? Скажем, церковь Кавайахао? Но ее строительство закончилось еще в 1842-м.

– В чем дело? – поинтересовался по-французски Кашмир и сразу снова перешел на английский: – На что вы смотрите?

Я продолжала всматриваться в берег, по-прежнему стараясь взглянуть на него глазами отца. Флаги у дворца Иолани были приспущены – может, Слэйт заподозрил, что это означает смерть кого-либо из его близких знакомых? И тут вдруг я поняла: дело не во флагах.

– В 1868 году дворца Иолани здесь не было, – сказала я. – Мы явно опоздали.

Несмотря на то что я испытала облегчение, это открытие

задело меня и смутило. Как такое могло случиться? Дата была главной характеристикой карты, своеобразным якорем, который привязывал ее к определенному месту и времени. Так устроены все настоящие, подлинные карты. Откуда же взялся дворец Иолани?

Я вспомнила, что название его на карте действительно имелось, но самого дворца я не видела – все мое внимание было приковано к дате. Изучив карту повнимательнее, я могла избежать долгих часов напрасного беспокойства.

Кто же, однако, нарисовал карту и проставил на ней не ту дату?

Кашмир покачал головой.

– Так в чем же все-таки дело? – спросил он. – Карта неправильная или капитан свихнулся?

– Хороший вопрос.

В раздумье я скрестила руки на груди. Слэйт не смог бы дать мне какой-либо вразумительный ответ. Но автор карты, некий А. Сатфин, по идее должен был жить здесь, на острове. Возможно, он в состоянии пролить свет на интересующие меня обстоятельства – при условии, что мне удастся его разыскать.

Внезапно меня отвлекло от размышлений звяканье колокольчика. Я подняла голову и увидела, что Би указывает на главный парус – его следовало приспустить. Мы с Кашем направились к мачте.

– Что ж, могло быть и хуже, – заявил Ротгут, спустившись

с площадки впередсмотрящего. – С удовольствием отдохну немного в тропиках. Интересно, коктейль муай-тай уже изобрели? Если нет, я, пожалуй, сам введу его в местный обиход.

– Мы не знаем, сколько нам придется тут пробить, – сказала я, берясь за фал-гардель. – Возможно, ты даже успеешь открыть здесь бар. Вот только хватит ли у тебя на это денег?

– У капитана должны быть кое-какие денежки в местном банке, – ответил Ротгут.

Я с силой натянула фал и, выбрав слабинку, намотала ее на кнехт. Кашмир, помогая мне, бросил на меня внимательный взгляд.

– Деньги? – переспросила я. – В банке? У него что, открыт здесь счет?

– Ну да, – Ротгут пожал плечами. – Он открыл его для Лин перед тем, как отправиться в путешествие. Но, вернувшись, он... он по рассеянности забыл его закрыть.

– Понятно.

– Я вот что скажу. Рыбалка здесь просто *невероятная*, – заявил Ротгут, и глаза его заискрились. – К тому же очень может быть, что где-то неподалеку все еще околачивается воздыхатель Би.

Би издала протестующий возглас и замахала рукой.

– Что еще за воздыхатель? – заинтересовался Каш.

– Один местный болтался около нашего судна несколько недель. Симпатичный малый. Я так и не решился ему ска-

зять, что она уже замужем, – прошептал Ротгут, стараясь, чтобы Би его не слышала. – Но в итоге она столкнула его за борт.

– Это сделала не я, а Айен! – крикнула Би.

Я рассмеялась вместе со всеми, однако почувствовала себя обделенной: Би и Ротгут много времени провели в месте, где я родилась и которого совсем не знала. Разумеется, мне было известно, что «Искушение» простояло в этой гавани почти два года. Но слушать, как мои товарищи делятся друг с другом воспоминаниями о том времени, словно читают хорошо знакомую книгу, было выше моих сил. В отличие от Би и Ротгута ни я, ни Кашмир на Гавайях никогда не жили.

Осторожно пройдя по темно-синему глубоководью между коралловых рифов, мы миновали Карантинный остров, узенькую полосу песчаного пляжа на краю бухты, где из жерл гигантских фумигационных печей поднимались вверх клубы серного дыма. Сразу за золотистой песчаной кромкой побережья начиналась пышная растительность, состоявшая главным образом из зарослей бананов с огромными изумрудными листьями, кокосовых пальм, хлебных деревьев с раскидистыми кронами и зарослей бугенвиллеи.

Ротгут громко окликнул экипаж приближающегося к нам лоцманского бота с флагом Гавайского королевства. На палубе его стоял капитан порта – мужчина с бронзовым от загара лицом и густыми усами. Расположившись по правому борту от нас, бот медленно двинулся к берегу. «Искушение»

последовало за ним.

Когда мы наконец пришвартовались, капитан порта представился как полковник Иаукеа. Поначалу, когда он увидел за штурвалом Би, которая приветливо помахала ему рукой, на его лице появилось выражение подозрительности. Трудно сказать, чем оно было вызвано – то ли цветом ее кожи, то ли невозможностью с уверенностью определить ее пол. Впрочем, нельзя исключать и того, что что-то показалось ему странным в облике самого нашего судна. Мне не раз приходилось наблюдать, как при виде «Искушения» люди удивленно поднимали брови.

Впрочем, что бы ни думал полковник Иаукеа, это не имело большого значения. Сотрудникам нью-йоркской береговой охраны он и в подметки не годился. Я заявила ему, что «Искушение» – промерное судно, нанятое одной компанией, базирующейся в Сан-Франциско. Вскоре рядом с полковником бесшумно возник Кашмир. Представитель порта обернулся в его сторону, но я тут же повысила голос, чтобы привлечь его внимание:

– Так вот, эта компания собирается построить на восточном побережье Оаху рыбоконсервную фабрику! А может, не на восточном, а на западном.

Увидев, что Кашмир исчез, я вздохнула с облегчением.

Полковник явно принял мои слова за чистую монету. После того как на прощание Кашмир, завладев серебром из кошелька полковника, пожал ему руку, тот окончательно сме-

нил гнев на милость. В частности, весьма дипломатично заявил, что не собирается устраивать на судне даже поверхностный обыск.

На пристани около «Искушения» собралась небольшая толпа: грузчики-китайцы с бритыми головами; изящные местные женщины с блестящими, черными как вороново крыло волосами, державшие в руках корзины с тропическими фруктами; ремесленники, принесшие изделия из кораллов. Почти у всех этих людей – молодых, пожилых, местных, приезжих – на шеях были ожерелья из цветов.

Один светловолосый молодой человек примерно моего возраста с ярко-розовыми пятнами на бледных щеках, прищурившись, внимательно разглядывал наш корабль и что-то быстро писал в блокноте. Для репортера он был слишком юным. Молодой человек чуть повернул голову, и наши взгляды встретились. Он улыбнулся. Я тоже чуть приподняла уголки губ. Он вежливо коснулся пальцами поляй своей соломенной шляпы. Внезапно смутившись, я пошла помогать сворачивать паруса.

Сгрудившиеся на пристани местные жители и иностранцы быстро поняли, что ни интересных новостей, ни необычного груза мы не привезли, а немногочисленный экипаж «Искушения» не горит желанием немедленно потратить все свои сбережения на фрукты и сувениры. Толпа рассеялась, а вместе с ней исчез и привлечший мое внимание юноша. Солнце скрылось, и на улицах Гонолулу зажглись газовые фонари.

Прежде чем торговцы окончательно разошлись, Каш успел купить дюжину спелых манго себе – это был его любимый фрукт – и экземпляр «Вечернего бюллетеня» для меня. Благодаря ему я установила точную дату – 24 октября 1884 года. Это означало, что мы оказались на Гавайях даже позднее, чем я предполагала. Я вполне могла бы жить здесь в это время, если бы Слэйт меня не похитил.

Теперь гавань из-за множества мачт со спущенными парусами напоминала зимний лес с облетевшими листьями. Пристань освещали зажженные факелы. Огненные блики их пламени блестели на поверхности воды, словно расплавленное золото. Со всех сторон доносились взрывы пьяного смеха. Где-то неподалеку играли на расстроенном пианино. Улицы, ведущие в город, были заполнены моряками, спешившими в местные бары. Я знала, что все они – или почти все – через несколько часов, спотыкаясь, будут брести обратно, во все горло распевая непристойные песни.

Экипаж «Искушения» в полном составе остался на борту, по-спартански поужинал тем, что не успел слопать Ротгут, и запил еду вином из бездонного кувшина, который мы раздобыли, путешествуя по мифической карте Греции. Я взяла с собой за стол газету. Заголовок на первой полосе гласил: «Траур по безвременно ушедшей принцессе Пауахи продолжается». Теперь я поняла, почему флаги рядом с дворцом были приспущены. В статье рассказывалось о том, что местное население вторую неделю предавалось скорби, разделяя

горе, постигшее королевскую семью.

– Вот, значит, как, – произнес Ротгут. – А мне поначалу показалось, что у него все получилось.

– Мне тоже, – негромко сказала я.

– Ты знаешь, что именно пошло не так? – поинтересовалась Би.

– Ну, у меня есть кое-какие предположения на этот счет, – ответила я, придерживая пальцем ту строчку на газетной странице, где остановилась. – Я могла бы их проверить – при условии, что вы дадите мне постоять за штурвалом.

– Лучше попроси разрешения у своего отца, – сказала Би, сверкнув ослепительно-белыми зубами.

– Да ладно, тебе, Би! – Я скорчила презрительную гримасу. – Что может случиться?

– У меня имеются на этот счет кое-какие предположения. Но давайте не будем их проверять! – Би расхохоталась.

Ее ответ не был для меня неожиданным. Подобный диалог происходил между нами не впервые. Я снова перевела взгляд на газетную страницу:

– Где это? А, вот. «Тело покойной выставлено для торжественного прощания. Оно укрыто черным покрывалом, искусно изготовленным из перьев птицы о-о...

– Никси-и-и-и!!!

Хриплый голос капитана, донесшийся из его каюты, был похож на ослиный рев. Мы все замерли. У Кашмира изо рта торчал кусок рыбы.

– Никс!!!

Если бы не толстая дверь из красного дерева, мы бы, наверное, оглохли.

Я встала из-за стола, но Би остановила меня.

– Позволь мне, – сказала она и, подойдя к капитанской каюте, постучала в дверь.

– Капитан!

Ответа не последовало. Ротгут отпил еще вина из кувшина. Би постучала громче:

– Капитан, с вами все в порядке?

– Где моя дочь?! – взревел Слэйт, по-прежнему не открывая дверь.

Повисла пауза. Стало отчетливо слышно, как на одном из пришвартованных неподалеку судов кто-то играет на губной гармошке – не очень умело, но старательно.

– Никс! – снова позвал Слэйт. На сей раз в его голосе были отчетливо слышны умоляющие нотки.

Я, твердо ступая, подошла к каюте. Каш попытался взять меня за руку, но я вырвалась.

– Что тебе нужно? – крикнула я через дверь.

Последовала еще одна долгая пауза, после которой из каюты донесся голос Слэйта:

– Я ее вижу.

– Кого?

Молчание.

– Капитан! – Я постучала в дверь кулаком. – Капитан!

Никакого ответа.

Что ж, ладно. Я ударила в дверь ногой, полагая, что она заперта. Однако она легко распахнулась. Я увидела Слэйта – он лежал на полу и смотрел на меня. Его жидкие волосы прилипли ко лбу. Белки глаз были красными, расширившиеся зрачки почти полностью закрывали водянисто-голубую радужную оболочку. В ноздри мне ударил едкий запах пота. Рядом с отцом на полу стояла шкатулка. Я испытала сильнейшее желание схватить ее и вместе со всем содержимым выбросить за борт – чтобы все то, к чему он был так привязан, разом исчезло. Однако вместо этого я лишь крепко стиснула пальцы на ручке двери.

– Тебе надо поспать, Слэйт, – произнесла я.

Капитан, глядя на меня, несколько раз моргнул и рывком сел.

– Входи, – сказал он почти вежливо.

– Я уже вошла, – отозвалась я, стоя на пороге.

– Нет, ты подойди сюда. Я хочу тебе кое-что показать.

– Не надо, Слэйт...

Я хотела шагнуть назад, но капитан неожиданно извлек из шкатулки карту 1866 года.

– Ты должна, – пробормотал Слэйт, с благоговейной осторожностью разворачивая свое сокровище. – Я хочу, чтобы ты посмотрела.

Я заколебалась. Раньше мне не приходилось видеть своими глазами карту, которую отец держал в руках, – он никому

не позволял к ней прикасаться. Шагнув через порог, я при-
творила дверь, но полностью закрывать не стала. Карта на-
столько истерлась на сгибах, что почти распадалась на части
– слишком часто ее разворачивали и складывали.

– Вот, – сказал Слэйт и ткнул в карту пальцем.

Я сделала еще один шаг вперед, чтобы лучше видеть.

– Мы снимали квартиру всего в квартале от Чайна-тау-
на. Там отчетливо ощущался запах океана, а позади дома
был маленький садик. Твоя мама выкопала розовые кусты и
устроила на их месте грядки с овощами. Хозяину это не по-
нравилось, но розы все равно уже засыхали – в местном воз-
духе слишком много соли.

Стараясь не дышать, я перенесла вес с одной ноги на дру-
гую. Подо мной скрипнула доска. Отец никогда прежде не
говорил со мной о матери.

– Знаешь, я ее вижу сейчас – как живую, – произнес Сл-
эйт, прикрыв глаза и улыбнувшись. – Господи, она была та-
кая красивая! И она знала об этом.

Я молча смотрела на отца. Разумеется, фотографий мате-
ри у него не было. В детстве я частенько смотрела в зеркало,
стараясь представить черты ее лица и пытаюсь понять, что в
моем собственном лице от нее, а что – от Слэйта. Помнится,
мне очень хотелось, чтобы я была больше похожа на нее.

– Чего я только ей не предлагал, – продолжил Слэйт. –
Ради нее я был готов на все. Тебе это известно? Я готов был
увезти ее куда угодно, дать ей все, что она захочет. Но она

попросила только об одном.

Отец открыл глаза, посмотрел на шкатулку, затем схватил ее обеими руками и швырнул через всю каюту. Шкатулка ударилась о переборку, ее содержимое выпало на пол. Зазвенела, ударившись о доски пола, металлическая ложка, шприц и иглы закатились под кровать. Отскочив назад, я снова ухватилась за ручку двери. Но тут весь запал Слэйта иссяк, и он обмяк, бессильно уронив руки и опустив голову.

– Когда мы были вместе, я как человек был гораздо лучше, – пробормотал он.

Сердце мое отчаянно колотилось где-то в горле, а ноги будто приросли к полу. Слэйт опять устремил взгляд на карту. Ткнув в нее мозолистым пальцем, он провел им вдоль дороги, тянувшейся от гавани к горам.

– Я хотел купить ей дом где-нибудь в долине Нууану. Именно поэтому я и уехал. Большой дом, а не какую-нибудь дешевую халупу. С огромным садом и множеством комнат для детишек. – Произнося эти слова, Слэйт не смотрел на меня, но я поняла – он хотел сказать, что старался и для меня тоже. Он отправился в путешествие, заботясь и обо мне.

Отложив карту, отец снова улегся на пол и какое-то время молча глядел на потолок. Мне стоило огромных усилий не протянуть руку и не взять карту, чтобы попытаться увидеть то, что видел Слэйт. Я не просто не двигалась – я почти не дышала, боясь, что отец ничего больше не скажет.

– Я думал, что все делаю правильно, Никси, – наконец

произнес он. – Я в самом деле так думал. За все пятнадцать лет мы никогда не были с ней так близки, как тогда. Так мне казалось.

И мне тоже так кажется, подумала я, но промолчала.

Отец перекатился на бок.

– Тебе бы понравилась твоя другая жизнь, – сказал он, и в этот момент я ему поверила. Я действительно почти увидела место, которое он описал – так ясно, будто он нарисовал его карту.

– Знаешь, ты права, – добавил Слэйт после долгой паузы. – Все это было похоже на сказку. Далекое королевство. Сказочная страна. Настоящая любовь.

Я стояла неподвижно, ожидая продолжения. Но отец больше ничего не говорил. Выждав еще какое-то время, я пошевелилась, ненароком повернув дверную ручку. Язычок дверного замка скрипнул. Слэйт вздрогнул.

– Жаль, что я не могу тебе все показать, – сказал он, и уголок карты шевельнулся от его дыхания. – Я бы очень хотел, чтобы ты увидела все собственными глазами.

Я быстро шагнула за порог и всей грудью вдохнула прохладный ночной воздух, стараясь избавиться от внезапной резкой боли в груди. Затем я осторожно прикрыла за собой дверь. Щелкнул, затворяясь, язычок замка.

– Я тоже, – едва слышно прошептала я.

Глава 8

ЭТО ОКАЗАЛОСЬ ОЧЕНЬ ПРИЯТНО, ХОТЯ И НЕПРИВЫЧНО – проснуться от крика петуха. Вокруг было темно. Воздух был густым и теплым, словно парное молоко. Еще не вполне очнувшись ото сна, я блаженно потянулась.

– Куда-а-а-ак! Кук-ку-да-а-ак!

Кроме петушиного крика, отчетливо слышалось негромкое металлическое позвякивание – наверное, ветер раскачивал снасть с металлическим блоком. Затем я различила лязг посуды – вероятно, в камбузе пришвартованного рядом с нами фрегата кок занялся приготовлением завтрака. Потом вдалеке раздалось цоканье лошадиных подков, а также скрип и громохание телеги – в гавань доставили очередную порцию припасов. На шхуне по другую сторону от «Искушения» кто-то громко выругался.

Я потеряла глаза и села, заставив закачаться гамак. Солнце уже показалось из-за горизонта, раскрасив облака на востоке в розовый цвет. Пора было подниматься. Если для крестьян сигнал к пробуждению – крик петуха, то для моряков – громкая ругань.

У нас на борту было тихо. Видимо, все остальные еще спали. Накануне вечером Кашмир ускользнул на берег, и к тому времени, когда я заснула, он еще не вернулся. Сквозь сон я слышала, как Би и Ротгут почти до самого утра негромко пе-

реговаривались, сидя за старой доской для настольных игр и сражаясь в го. Отец после всего того, что происходило ночью, тоже вряд ли бодрствовал.

Мой гамак перестал раскачиваться. Я перевела взгляд с гавани и города на горы, покрытые зеленым бархатом буйной тропической растительности, и разделяющие их долины. Интересно, в которой из них прятался просторный дом с большим садом?

Тряхнув головой, я отогнала непрошенные мысли. Пора было заниматься уборкой. Я невольно порадовалась этому – работа должна отвлечь меня от раздумий.

– Куда-а-а-ак!

Я выскользнула из гамака и, оглядевшись, вдруг замерла. Оказывается, кричал вовсе не петух. На поручнях бортового ограждения сидел каладриус и смотрел на меня своими черными глазками-бусинками. Пошарив по карманам, я достала кусок галеты и бросила на палубу. Каладриус недоверчиво склонил голову набок. Однако, когда я отошла подальше, мое подношение все же было принято. Глядя, как каладриус клюет галету, я порадовалась, что птица осталась цела и невредима.

Однако каладриус был не единственным голодным живым существом на борту. Спустившись в трюм, я схватила банку с пчелиной пылью, которую купила в нью-йоркском универмаге «Натуральная еда». Затем, начав с трюма, обошла все имевшиеся на корабле светильники, чтобы покормить

копошащуюся внутри них «небесную сельдь» из мифов северных народов – крохотных рыбок, благодаря которым, если верить легендам, в небе возникает северное сияние. Когда я высыпала пыльцу внутрь шарообразных фонарей из закопченного стекла, рыбки принялись раскрывать и закрывать рты, жадно хватая лакомство.

Мы поймали довольно много этих любопытных существ, проведя неделю в мифологической стране под названием Скандия. Именно так она называлась на попавшей в наши руки сказочной карте. По очертаниям страна приблизительно совпадала с территорией Скандинавии. Помнится, мы несколько дней шли под всеми парусами под розовыми, голубыми и зелеными всполохами, то и дело озарявшими черный небесный свод. Рыбок мы с отцом наловили, запустив двух воздушных змеев с привязанной между ними сетью. Это был единственный случай, когда мне с отцом довелось запускать змеев. Я хорошо запомнила, как смеялись тогда его глаза.

Та карта была первой, которую я сама выбрала из нескольких кип, хранившихся в его каюте. Слэйт ничего не знал о Скандии – полагаю, не подозревал даже о том, что в его коллекции имеется ее карта. Но я научилась понимать карты и стала изучать их еще до того, как выучилась читать. К тому же я знала поверья мифической страны. В общем, я рассказала отцу о Скандии и попросила его направить корабль туда, и он – удивительное дело – выполнил мою просьбу. В та-

кие моменты мне начинало казаться, будто я могу попасть куда угодно – стоит только захотеть.

Было еще несколько случаев, когда происходило нечто подобное. Имея карты и используя мою способность читать их, а также благодаря искусству судовождения, которым обладал наш капитан, мы сумели населить наш корабль кое-какими мифологическими существами. Помимо «небесной сельди» в наших светильниках, в плите на камбузе обитало несколько огненных саламандр, добытых нами во французских легендах девятнадцатого века. Имелись у нас и кое-какие необычные предметы – например, бездонный мешок из валлийских сказок семнадцатого века. Он оказался очень полезной и нужной вещью, хотя для того, чтобы раздобыть его, мы потратили немало усилий. Карта, которой мы воспользовались в тот раз, оказалась самой старой из всех имевшихся когда-либо в собрании Слэйта. Ирландское море встретило нас неприветливо, как нежеланных пришельцев, обрушив на нас ледяные валы, то и дело заливавшие палубу. В тот момент, когда я пыталась убрать грот, чтобы его не порвало страшным ветром, мачта переломилась пополам. Часть рангоута рухнула на палубу, придавив меня. В результате я сломала руку и едва не захлебнулась в то и дело прокатывавшихся по палубе волнах. Бездонный мешок стал мне наградой.

Вспоминая об этом, я невольно улыбнулась. После того памятного происшествия, нося руку на перевязи, я чувствовала себя победительницей. Мне давно хотелось раздобыть

бездонный мешок, потому что я не любила заниматься загрузкой трюма.

Единственной проблемой оставалась пресная вода. Ее запасы занимали в трюме много места. К тому же набирать ее в некоторых портах было опасно. Существовали легенды о котле с никогда не заканчивающейся похлебкой, а также о никогда не пустеющем винном кувшине, но ни о каких магических емкостях для воды мне слышать не приходилось. К счастью, позднее мне удалось выяснить, что, оказывается, бездонный мешок вполне можно было называть бездонным бурдюком – жидкости, в том числе воды, он тоже мог вместить сколько угодно.

Не зная этого, я долго пыталась сделать все возможное, чтобы обзавестись волшебным резервуаром для хранения запасов пресной воды. Результатом одной из моих попыток стало появление среди нашего магического «инвентаря» магического топора племени майя, который, если бросить его в небо, разрубал тучи и вызывал дождь. Однако он сработал всего один раз – было бы куда полезнее, если бы это был не топор, а бумеранг. Имелась еще сказочная лягушка Тиддалик, которая удерживала в своем животе воды целой реки. Ее можно было уговорить исторгнуть воду из себя. Однако, когда мне это удалось, лягушка едва не потопила корабль, разом выдав все свои запасы. Словом, бездонный мешок, или бурдюк, в итоге пришелся как нельзя кстати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.